

Запретный лес

Автор:

[Джон Бакен](#)

Запретный лес

Джон Бакен

Grand Fantasy

Впервые отдельным изданием выходит в нашей стране удивительный историко-фантастический роман выдающегося английского политика и писателя, мастера «страшных» и шпионских историй Джона Бакена. Автор предлагает нам окунуться в атмосферу Шотландии XVII века, эпохи, когда брат шел на брата в кровавой гражданской войне, а лицемерная церковь пыталась укрепить свою власть над темным народом, всё еще справлявшем языческие обряды в запретных лесах... Но было место и подвигу, и славе... и магии!

Замечательный британский литератор не обласкан российскими издателями; пришло время исправить эту несправедливость! Тем более что роман «Запретный лес» включен великим Майклом Муркоком в список «Ста величайших романов в жанре фэнтези всех времен».

Джон Бакен

Запретный лес

Grand Fantasy

John Buchan

Witch Wood

Перевод с английского Евгении Янко

© Евгения Янко, вступительная статья, перевод на русский язык, приложение, 2022

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

Джон Бакен и его роман «Запретный лес»

Автор этой книги, Джон Бакен, известен большинству русских читателей лишь опосредованно: именно по его роману Альфред Хичкок снял один из самых знаменитых своих триллеров, «39 ступеней». Однако в англоязычном мире это имя известно очень хорошо, причем не только благодаря писательским заслугам.

Бакен родился 26 августа 1875 года в Шотландии, в Перте, в семье кальвинистского пастора. В детстве он провел не одно лето у своих бабушки и дедушки в городке Броутон, что в Скоттиш-Бордерс на границе с Англией. Природа и история края произвели неизгладимое впечатление на мальчика, и позднее в своих книгах он не раз обращался к милым сердцу местам.

Будущий писатель получил образование в университете Глазго и в Оксфорде, где изучал классическую филологию и право. В бытность студентом он публиковал статьи и рассказы в периодических изданиях, а в 1895 году вышел

его первый роман, «Sir Quixote of the Moors». Бакена дважды чествовали в качестве лауреата местных премий: как публициста и как поэта (в Оксфорде он занимал и чрезвычайно почетный пост президента дискуссионного клуба).

В 1901 году он стал секретарем известного дипломата Альфреда Мильнера и уехал в Южную Африку, разрываемую Англо-бурской войной 1899–1902 годов.

Вернувшись в Лондон, Бакен окупился в издательское дело, потом пробовал себя на юридическом поприще. Но своим призванием молодой человек считал политику, и, сторонник умеренно-консервативных взглядов, он примкнул к шотландским юнионистам.

С началом Первой мировой войны Бакен обратился к журналистике, в частности был специальным корреспондентом газеты «Таймс» во Франции. В 1916 году вступил в ряды британской разведки, где работал в отделе пропаганды, в том числе над речами и коммюнике фельдмаршала Хейга, а затем трудился под непосредственным руководством министра информации Великобритании лорда Бивербрука.

Тогда же Бакен всерьез заинтересовался историей Шотландии, и после войны он начал тесно сотрудничать с университетами, возглавив Шотландское историческое общество.

Его политическая карьера стремительно шла на взлет: в 1927 году он стал членом Палаты общин, а в 1935 году, получив дворянство и став 1-м бароном Твидсмуром, был назначен генерал-губернатором Канады.

Джон Бакен был женат на Сьюзан Гросвенор, дочери Нормана Гросвенора, британского политика и аристократа. У них было четверо детей. Супруга Бакена также увлеченно занималась беллетристикой и историческими исследованиями, публикуя свои произведения под псевдонимом Сьюзан Твидсмур.

Политик и писатель скончался 11 февраля 1940 года. В Оттаве было организовано торжественное прощание, после которого прах Бакена перевезли для захоронения в Шотландию.

Хотя Джон Бакен видел себя профессионалом в политике и любителем в беллетристике, литературой он занимался всю жизнь. Его наследие включает в

себя почти тридцать романов, семь сборников рассказов, биографии Вальтера Скотта, Октавиана Августа, Оливера Кромвеля и другие произведения.

Свои шпионские и приключенческие романы Бакен называл «шокерами». Самый известный из них, «39 ступеней» (1915), несколько раз экранизировался, в том числе и Альфредом Хичкоком. «Шокеры» принесли Бакену славу, а также немало повлияли на дальнейшее развитие жанра.

Воспитанный в строгих кальвинистских традициях, Джон Бакен всегда считал себя религиозным человеком. Его настольными книгами были Библия и «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» Джона Баньяна. Все его произведения, даже шпионские романы, пронизаны особым отношением к религии и Богу.

«Запретный лес» («Witch Wood», 1927) – любимая книга самого писателя и своеобразный роман-квинтэссенция его интересов. Здесь и увлекательный сюжет, свойственный «шокерам»; и история Шотландии, где переплелись реальность и легенды; и жизнь маркиза Монтроза, человека, которому Бакен посвятил отдельное биографическое исследование, принесшее автору мемориальную премию Джеймса Тейта Блэка; и вопросы религии и взаимоотношений государства, церкви и веры.

История Шотландии – давняя любовь Джона Бакена. Он не раз обращался к ней в своих романах, и «Запретный лес» не исключение. Действие романа происходит на фоне одного из самых кровавых периодов в истории страны, гражданской войны, вызванной противостоянием ковенантеров и роялистов.

Формальной причиной для конфликта между Англией и Шотландией послужила попытка Карла Первого внедрить англиканские обряды в пресвитерианское богослужение и усилить власть епископов над церковью Шотландии. В результате в Шотландии вспыхнуло восстание, и 23 февраля 1638 года лидеры дворянской оппозиции подписали «Национальный ковенант» (covenant – англ, договор, завет) – манифест шотландского народного движения в защиту пресвитерианских традиций, заложивший основы шотландского конституционализма и обеспечивший гарантии против королевского авторитаризма.

В ноябре 1638 года в Глазго была созвана Генеральная ассамблея пресвитерианской церкви Шотландии. На ней было принято решение об отмене введенных королем обрядов и о ликвидации епископата. Это дало толчок вооруженному противостоянию между Шотландией и Англией в 1639–1640 годах: Карл Первый, будучи главой епископальной англиканской церкви, не мог признать решений Генеральной ассамблеи и начал военные действия, к тому же он не без оснований подозревал шотландцев в связях с Францией, традиционным соперником Англии.

Шотландия объединилась для защиты от посягательств короля: вооружение и обмундирование было закуплено в континентальной Европе, была отлажена система набора в шотландскую армию. В страну вернулись опытные полководцы, участвовавшие вместе с наемными отрядами в Тридцатилетней войне.

Последовавшие военные кампании вошли в историю как Епископские войны 1639–1640 годов. Два раза перевес был на стороне Шотландии, и король шел на перемирие. 21 июня 1641 года между Англией и Шотландией был заключен Лондонский мир, в котором Карл Первый согласился с условиями ковенантеров.

В 1642 году в Англии, во многом под влиянием шотландских событий, требовавших немалых материальных вливаний, началась гражданская война, более известная в отечественной историографии как Английская революция, и результаты победы ковенантеров в Епископских войнах утратили свое значение. В 1643 году радикальные ковенантеры заключили военно-религиозный союз (под названием «Торжественная лига и Ковенант») с английским парламентом. Договор был направлен против короля, и в конце 1643 года Шотландия выступила на стороне парламента и Оливера Кромвеля. Однако впоследствии Шотландия вновь не избежала военных действий на своей территории.

Гражданская война в Шотландии 1644–1646 годов служит фоном для сюжетной линии «Запретного леса»; в центре событий стоит Джеймс Грэм, выдающийся шотландский полководец.

Джеймс Грэм родился 25 октября 1612 года в семье Джона Грэма, 4-го графа Монтроза. Он обучался в Сент-Эндрюсском университете в Шотландии, а затем в военной академии в Анже, во Франции.

Грэм одним из первых принял «Национальный ковенант» 1638 года и стал активным участником ковенантского движения. Во время Епископских войн он возглавил армию шотландского парламента и в феврале 1639 года разбил отряды шотландских роялистов, препроводив их лидера, маркиза Хантли, в заключение в Эдинбург. 19 июля войска Джеймса Грэма захватили Абердин, главный оплот роялистов, чем в значительной степени обеспечили победу ковенантеров в Епископских войнах.

Когда в 1640 году власть полностью перешла в руки ковенантеров, среди них наметился раскол: умеренные ковенантеры, к которым относился сам Монтроз, оказались недовольны радикализацией движения и умалением прерогатив короля. Монтроз остался верен демократическому духу «Национального ковенанта» и выступил против «правления немногих», понимая под этими «немногими» радикальную партию графа Аргайла. Летом 1641 года Монрозу обратился к королю с просьбой о посредничестве в конфликте с Аргайлом, но ответ Карла перехватили, и Монтроз был арестован.

Осенью 1641 года Карл добился освобождения Монтроза, но противостояние роялистов и ковенантеров усиливалось день ото дня.

Монтроз не принял «Торжественную лигу и Ковенант» 1643 года, сохранив верность королю. Он вступил в переписку с Карлом Первым, убеждая того начать более активные действия в Шотландии. Король продолжал рассчитывать на мирное разрешение конфликта. Когда армия ковенантеров под командованием графа Ливена присоединилась к войскам английского парламента, король осознал допущенную ошибку и 1 февраля 1644 года назначил Монтроза своим наместником в Шотландии.

Летом 1644 года маркиз Монтроз с двумя соратниками отбыл в Шотландию, направляясь на соединение с ирландскими войсками Аластера «Макколы» Макдональда. По пути ему удалось собрать отряд шотландских горцев. Объединившись с Макколой, Монтроз начал шествие по всей Шотландии, одерживая победы над ковенантерами. В августе 1645 года Монтроз с триумфом вошел в Глазго. Казалось, наступило торжество роялистов и конец правления ковенантеров. Однако в Англии армия Карла Первого стремительно сдавала позиции войскам парламента, и поражение Карла в битве при Нейзби заставило маркиза выступить на юг, спеша на помощь королю. Это не входило в планы шотландских горцев, для которых главным врагом оставался маркиз Аргайл, и они покинули Монтроза. Тем временем Дэвиду Лесли удалось сформировать

новую армию ковенантеров. 13 сентября 1645 года Монтроз потерпел поражение в битве при Филипхоу и бежал на север Шотландии. В июне 1646 года по приказу короля он сложил оружие, после чего эмигрировал в Норвегию.

Карл Первый был казнен 30 января 1649 года. В начале 1650 года сын Карла Первого, будущий Карл Второй, направил войска во главе с Монтрозом в Шотландию в надежде поднять горные кланы под свои знамена. 27 апреля армия Монтроза была разбита при Карбисдейле, а сам маркиз попал в плен. Его казнили 21 мая 1650 года.

Можно только представить, какую грандиозную картину развернул бы на этом историческом фоне другой романист, как живописал бы сражения с лязгом мечей и пороховым дымом, королевские покои и придворные интриги, головокружительные приключения и романтическую любовь с неременной свадьбой в конце.

Но сюжет Бакена, историка и фольклориста, более локален и ограничивается жизнью молодого священника в вымышленном приходе Будили в Скоттиш-Бордерс. Будь его роман научным исследованием, его можно было бы смело отнести к «микроистории» – направлению в исторической науке, сложившемуся лишь в 1970-е годы, представители которого занялись исследованием жизни отдельных городков, деревень, людей, находя в этом «малом» отражение «великой» истории.

В Будили священнику Дэвиду Сэмпиллу предстоит столкнуться с древними народными верованиями в тесном переплетении с искаженным пониманием христианства.

Повествуя о его судьбе, Бакен ссылается на книгу вымышленного богослова Джона Деннистуна и рассказывает о легенде, согласно которой юный пастор был похищен Волшебным народцем – феями, точнее, их шотландским вариантом, богами. Само поверье не выдумано автором: похожая легенда связана с именем Роберта Кирка, пастора прихода Аберфойл в Пертшире, родном краю Джона Бакена. Стоит упомянуть, что кельтское слово «перт» означает «лес», подобно тому, как название Калидонского замка из романа связывает места с Каледонией (древнее название Шотландии) и со знаменитым Каледонским лесом из легенд о короле Артуре, а в топоним Будили образован от корня «wood», что тоже переводится как «лес».

«Ведовская» сторона романа – с шабашами и верой в Дьявола, обитающего в лесу и требующего поклонения, – выстроена автором в согласии с теориями антрополога и культуролога Маргарет Элис Мюррей, чье исследование «Культ ведьм в Западной Европе» вышло в свет в Англии за шесть лет до «Запретного леса». Гипотеза Мюррей о существовании в Европе «старой религии» в виде древнего культа плодородия, который после прихода христианства трансформировался в шабашы ведьм, была воспринята критически. Но она немало повлияла как на развитие научной мысли в области антропологии и истории, так и на культуру в широком смысле слова, например, оказавшись началом современного викканства.

Следствием «микроисторического» подхода автора является громадное внимание к быту, нравам, обычаям шотландских крестьян, фермеров, духовенства и особенно к языку. Стихия языка буквально захлестывает роман, беседы и диалоги очень часто подменяют непосредственное «действие», причем каждого из персонажей Бакен щедро снабжает уникальными речевыми характеристиками и набором редких шотландских словечек (в английских изданиях они то и дело сопровождаются пояснениями в скобках). Всё это, конечно, ставит перед переводчиком нелегкую задачу. Удалось ли ее решить – судить читателю.

Евгения Янко

Запретный лес

Аса делал угодное пред очами Господа... и отверг всех идолов, которых сделали отцы его... Высоты же не были уничтожены.

Третья книга Царств, 15:11-14

Пролог

Время, говаривал мой дед, застыло в этой горной долине. Но истинность его высказывания умерла вместе с ним, и не успели увянуть первые маргаритки на его могиле, как новый мир властно постучался в дверь. Было это тридцать лет назад, и ныне мы пожинаем плоды перемен. Название прихода изменилось; белое здание кирки, прослужившее более двух веков, перестроили, отдав предпочтение кирпичной готике; вдоль Аллера проложили железнодорожную ветку, по которой каждое лето исправно приезжают отдыхающие из городов, расположенных за сотню миль отсюда. Под Оленьим холмом сгрудились дома и магазины, там же стоят школа-интернат с очень хорошей репутацией, две гостиницы, переделанные в соответствии с новыми требованиями, гараж и банк. Старое поселение потеряло всякую важность, уступив новому городу, выросшему вокруг вокзала; впрочем, оно давно перестало быть деревенькой с крытыми соломой постройками, беспорядочно разбросанными вдоль горной реки. Не иначе как враг рода человеческого заточил русло речки в ровные, как стоки канализации, набережные и перебросил через нее железобетонный мост, попутно заменив солому на крышах серо-зеленым шифером. Лишь развалины древней кирки остались нетронутыми – вижу их как сейчас: стоят в зарослях щавеля и крапивы, окруженные растрескавшейся, сложенной без раствора каменной оградой, защищающей разве что от любопытных овец, забредающих из Кроссбаскета.

Больше нет обитавших здесь старинных семейств, даже их имена успели позабыться. Задолго до моего рождения пропали Хокшоу, владевшие Калидопским замком, хотя в нем еще долго жила одна достойная семья, переселившаяся в этот край из Эдинбурга в семнадцатом веке, но и их вытеснил поток грубоватых приезжих с запада. Фермеры теперь по большей части новые, ведь даже крестьяне, которым на роду написано терпеть до последнего, перебороли свою неповоротливость, уехав прочь. Я узнал от почтальона, что сегодня в Будили нет ни Монфри, ни Спротов, что остались только один Пеннекук да парочка Ритчи и Шиллинглюу, которых раньше было без счета. В этом обновленном мире нелепо надеяться, что кто-то еще помнит легенды, беревшие мне душу, когда я был ребенком. Больше никто не способен рассказать, когда или почему разрушили кирку на границе с Кроссбаскетом и отчего кладбище там заросло сорной травой. Многие слыхом не слыхивали, что когда-то на этом месте была кирка.

Однако меня это не особенно удивляет, ведь кирка в Будили простояла заброшенной почти три века, даже в годы моего детства мало кто помнил, как звали ее последнего священника. Из легенды его история превратилась в «примолвку», которую знают все, но никто не может объяснить. Впервые мой

интерес к ней пробудила Джесс Блейн, дочь управителя. Задыхаясь от гнева после очередной моей проказы, она пожелала мне судьбы священника из Будили, растолковав ее словами: «Дьявол тя хватанет и в ад упрет». Перепугавшись, я пожаловался нянюшке, которая немало возмутилась происшествием и обрисовала Джесс как «позорную нескладёху, забивающую детёнку голову всякими черными враками». «Не пужайся, махонький, – успокоила она меня. – Никакой Дьявол за попом в Будили не приходил. Я слыхала, был пастор человек добрый да славный. То были Феи, кроха. Он с ними жил-поживал да счастливым помер, никогда из пустой чашки не пивши». Помню, я рассказал всё товарищам по играм, а они разнесли историю по домам и вернулись с ее подтверждением или опровержением. Некоторые придерживались версии Дьявола, а некоторые – Фей, и это доказывает, что традиция говорит на два голоса. Сторонники Фей немного превосходили числом, и как-то апрельским вечером в баталии недалеко от разрушенной кирки мы прижали приверженцев Дьявола к стенке и почти убедили в своей правоте. Но в нашей теории, кроме того что священника из Будили похитили Феи, а не Дьявол, больше ничего не было.

Годы спустя я слышал эту историю во многих местах и читал ее во многих книгах: в фолианте, попавшемся мне в одной из голландских библиотек, в родовых архивах католической семьи в Ланкашире, на полях второго латинского издания «Монтроза» Джорджа Уишарта[1 - Джордж Уишарт (1625–1671) – шотландский церковный деятель, капеллан маркиза Монтроза. Джеймс Грэм, 1-й маркиз Монтроз (1612–1650) – выдающийся шотландский полководец, командовавший войсками короля Карла I в период гражданской войны в Шотландии 1644–1646 годов. – Здесь и далее примечания переводчика.], в дневниках шотландского капитана и лондонского перчаточника и в тетрадке с упражнениями, принадлежавшей уэльской школьнице, жившей в семнадцатом веке. Сейчас я прекрасно представляю, что произошло на самом деле, но на первых порах у меня не получалось связать случившееся с приходом Будили, каким я знал его: живописный ландшафт, строгий и определенный, не содержащий в себе ни намека на тайну; голые холмы, мрачные поздней осенью и зимой, но в другие сезоны радующие глаз по-пиквикски[2 - Мистер Пиквик – чудаковатый, но милый персонаж романа «Посмертные записки Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса.] лысыми верхушками, аккуратно обсаженными хвойными лесками и опоясанными математически выверенными каменными оградами; ровные, ухоженные поля в ложе долины; искусственное спокойствие горных потоков посреди тщательно осушенной земли; чистенькая каменная деревенька, сверкающая стеклом и металлом. Правда, в двух милях отсюда нес бурные воды благородный Аллер, а за ним высокие холмы вздымались к небу

мрачные склоны, пронзенные, словно мечом сквозь сердце, Рудской долиной. Но сам приход Будили – куда исчезли его чары? Из книг я узнал, что когда-то великий лес Меланудригилл, спускаясь со своих темных высот, доходил до самой деревенской окраины. Но всё равно было сложно совместить это открытие с моим представлением о блестящем на солнце асфальтовом шоссе, о поющих на ветру телеграфных проводах, елочках на обочинах, образцовых пастбищах и опрятных рошицах.

И вдруг как-то вечером, стоя на Оленьем холме, я посмотрел на местность иными глазами. Небо надо мной было необычного свинцового оттенка, и там, где садилось солнце, голубел разрыв облаков, отчего тени приобрели причудливые формы. Мне тогда подумалось, что, будь я генералом, которому предстоит сражаться в этих местах, мне бы стоило занести Будили на карту в качестве стратегически выгодной позиции. Он располагался как раз на проходе между шотландскими низменностями и югом, являясь путем земли и воды... да, и можно ли так выразиться? – и духа, ибо путь лежит сквозь узкие горные ущелья, разделяя посевы и пустоши. Я смотрел на восток, на раскинувшиеся по левую руку и позади меня склоны, возделанные человеком до пределов возможного и в старину населенные пиктами. Шахтные копры на горизонте, привычные верхушки холмов в вересковых пустошах и клетчатая доска полей так и не смогли убить романтику в моем сердце, и в тот вечер мне почудилось, что я вижу зверя древнего и опасного, настоящего волка в овечьей шкуре... Справа поднималась горная гряда, мать всех наших рек. Время и погода почти не меняют ее облик, но тогда, в призрачном вечернем свете, подчеркивающим силуэт, но скрывающим детали, горы казались далекими и ужасными гигантами, а не добрыми великанами, баюкающими мои родные долины... Подо мною раскинулся Вудили, тоже странным образом изменившийся: мрак, как тень от солнечного затмения, накрыл и его. То была лишь иллюзия, и я великолепно понимал это, но не мог не принять, ведь именно такого зрелища жаждало мое сердце.

Это был тот же приход Будили, но трехсотлетней давности. И раз уж мне была дана подсказка, воображение помогло дорисовать вещи, недоступные глазу... Шоссе исчезли, остались только проселки, топкие в низине и каменистые на склонах, ведущие в Эдинбург или в противоположную от него сторону, в Карлайл. Я видел лишь горстку домов, но те, что стояли, были коричневыми, как торф, а на церковном холме я заметил четыре серых стены кирпичи и рядом с ними дом пастора, утонувший в зарослях бузины и молодых ясеней. Будили тогда не был открыт солнцу и ветру. Это была кучка крестьянских домишек и усадеб, зажата обширным дремучим лесом, покрывавшим всю округу, кроме вершин

самых высоких холмов, лес перекатывался через горные кряжи, душил в своих объятиях долины и стекал к самой границе воды, напоминая свалывшуюся шкуру, наброшенную на весь окрестный пейзаж. Мои губы прошептали слово «Меланудригилл», и я понял, что таким Будили не видали уже более трех веков, с тех самых пор, когда он лежал в призрачной тени останков древнего Каледонского леса, где в былые времена играл на арфе Мерлин, а Артур созывал своих людей...

Тут раздался гудок паровоза, зажегся огонек на переезде, и видение растворилось. Спускаясь в сгущающихся сумерках с холма, я подумал, что тогда, в детстве, память об окружающем со всех сторон лесе еще жила в Будили, пусть даже название Меланудригилл успело позабыться. В ушах раздался голос старого Джоза Доддса, пять десятков лет прослужившего лесником при Калидоне. Сидя на большом камне за кузней и покуривая трубку, он частенько рассказывал мне увлекательные истории. Он говорил о своем отце и об отце отца, местном герое, вооруженном кремнёвым ружьем: «Зимой заляжет посереде торфяников али в леске, хучь ужо совсем дряхлый стал, да давай диких лебедей с серыми гусями постреливать, покуда они с Клайда к Алл еру летят. А уж скока оленей перебил». Я заметил, что в округе олени не водятся, но он лишь покачал головой и сказал, что во времена его деда Черный лес был еще дремуч: «Что у Виндивэйз, что у Риверсло изрядно их было». Но когда я попытался расспросить о Лесе поподробнее, Джоза всегда уклонялся от ответа. Это теперь мне известно, что местность нашу связывали то с римлянами, то с самим Майклом Шотландцем[3 - Майкл Скотт (Майкл Шотландец, 1175–1232) – ученый-математик, признанный колдуном. В легендах о нем говорится, что он за одну ночь с помощью дьявола замостил дорогу, а также что расколол Эйлдонский холм на три части.]: «Там логовище зверья да пристанище колдунов». Закат его начался давным-давно, в Голодные годы, и последнее дерево сгорело в очаге во времена отца Джоза, в достопамятную Зиму шестнадцатидневной бури...

Я вспомнил, что некоторые места здесь считали священными, а иные обходили стороной. Летом и весной в сумерки никто не приближался к Кресту Мэри, бесформенному камню на поле, заросшем папоротником-орляком, но в полдень в Праздник летнего солнцестояния девушки украшали его цветами. Поговаривали, что на одном отрезке реки между деревней и теперь уже высушенной Фенианской топью не водилась форель. Более того, прямо посреди лучшего поля репы в Риверло бил ключ, который мы, дети, называли Жаждущей Кэйти, а старики – Пастырским родником, и старожилы, упоминая его, качали головой или вздыхали, потому что там священник из Будили покинул брэнную землю и ушел в Страну фей.

Глава 1

Прибытие священника

Преподобный Дэвид Семпилл приступил к служению в Будили пятнадцатого августа тысяча шестьсот сорок четвертого года от Рождества Христова. Он не был чужаком в этой горной долине, ибо еще мальчишкой приезжал сюда к своему деду, рудфутскому мельнику. В те лета глас церковной общины ставился превыше желаний сильных мира сего; мистер Семпилл, как говорится, «был избран народом», и потому все в приходе с нетерпением ожидали его вступления в обязанности. Годом раньше он получил одобрение Пресвитерского совета Эдинбурга, в последнее воскресенье июня сего года был посвящен в духовный сан в Будили, а в первое воскресенье августа досточтимый пастор Мунго Мёрхед из Адлерского прихода зычно представил его общине. Пожитки Семпилла, по большей части книги, прибыли из Эдинбурга на восьми вьючных лошадях и, благополучно избежав опасностей Карнвотской топи, были теперь разложены на втором этаже сырого домика, стоявшего между киркой и речкой Будили. Присматривать за домом поручили скромной вдовице по имени Изобел Вейтч, а когда всё было готово, сам Дэвид прискакал на сером шотландском пони из Ньюбиггина, где временно обитал у родни, и вступил во владение новым жилищем. Завидев Будили, он запел; перешагивая порог дома, склонил голову и помолился; а когда наконец расположился в комнатенке, которую назвал «кабинетом», увидел на полке свои драгоценные книги, провел рукой по столу, за которым намеревался написать великие труды, и глянул сквозь тусклое окошко на кусты крыжовника в саду и серебристые воды речушки, чуть не зарыдал от сердечной благодарности и радости.

В течение первого часа он осматривал свои владения. Дом был маленький и приземистый, крытая вереском крыша дала приют не одному пчелиному рою. Фасад выходил на дорогу и частично прятался за узкой полоской зелени, куда речка выносила белые гладкие камни. Позади дома имелся сад с парой десятков одичавших яблонь, мелкие плоды которых едва ли стоило собирать. Еще была лужайка для просушивания белья, птичья вишня, немного левкоев и аконита да грядка с травами поценнее: шалфеем, мятой и душицей. Во дворе стояли пивоварня и амбар, точнее пуня, для хранения запасов, выдаваемых священнику как часть жалованья; напротив них разместились конюшня на две лошади, хлев

с тремя стойлами, курятник-мазанка, и в самом углу, у забора кирпичи, таилась среди крапивы навозная куча.

Внутри дома оказалось не слишком уютно. В этот теплый августовский день от земляных полов веяло холодом. Свет попадал в низкие сени только через открытую дверь. Направо была гостиная с деревянными потолком и полом и грубо оштукатуренными стенами; туда уже поставили часовой шкаф[4 - Часовой шкаф - напольные маятниковые часы в деревянном корпусе.], изготовленный литским мастером Джоном Атчисоном в 1601 году. Слева располагалась кухня, и из нее можно было пройти в пивоварню. Здесь же, у входа в маленький, как собачья конура, подвальчик, Изобел примостила свою кровать. На второй этаж, прямо в спальню священника, вела очень крутая лестница. Эта комната считалась лучшей в доме, так как в ней был камин. Спальня соединялась одной дверью с единственной комнатой для гостей, а вторая дверь вела в неотопливаемую комнатку, которую пастор определил под кабинет, то есть, по его мнению, самое чудесное помещение в доме.

Дэвид бродил по новому обиталищу, как школьник, вернувшийся домой, и действительно, густыми золотистыми волосами, свежим лицом и стройной, прямой фигурой он напоминал мальчишку. Он пролил сусло в пивоварне и просыпал на себя гороховую муку в пуне. Изобел с опаской наблюдала, как он пробует дикушку с яблонь в саду и пытается спугнуть скворца, присевшего на дерево у кирпичи, швыряя в него надкусанными, но не понравившимися плодами. Потом он прокричал, чтобы она принесла воды смыть дорожную пыль. Теплые лучи августовского солнца падали на маленький дворик, в полуденном воздухе плыли умиротворяющие звуки: плеск речных волн, стук молота в кузне, блеяние овец, пасущихся на косогоре, и гудение пчел в левкоях. Священник тер щеки и улыбался, и на морщинистом красном личике Изобел расцвела ответная улыбка.

«Ох, сэра, – сказала она, – даровал нам Господь жизнь в таком славном месте и мирном пристанище. Возблагодарим же Его за это». А когда Дэвид огласил округу пылким амином, бросив ей полотенце, шум на крыльце оповестил о приходе первых гостей.

Их прибыло по меньшей мере трое, все священники из соседних приходов. Они прискакали в Будили на своих низкорослых лошадаках поприветствовать молодого человека. Живность заполнила конюшню и хлев, а братья во Христе расположились на грубой лавке рядом с лужайкой. Они намеревались отобедать в деревенской харчевне, дабы не беспокоить мистера Семпилла: они бы ни за

что не заявили вот так, без приглашения, если бы думали, что их начнут тут потчевать. Тем не менее радушной Изобел, полагавшей, что прием гостей в день новоселья – добрые хлопоты, удалось уговорить их: «Мистер Семпилл со стыда сгорит, ежели джентльмены хлеб с ним преломить не пожелают». Снеди в доме полным-полно, она только что куру в котел забросила, а с утра из Чейсхоупа прислали целую связку куропаток, ох уж она их нажарит... Священники улыбнулись со смирением и надеждой. «У вас не служанка, а сокровище, мистер Семпилл. Женщина рассудительная да приличная – дом в Будили будет полная чаша».

Преподобный Мунго Мёрхед являлся обладателем круглого, гладко выбритого лица, толстой шеи и массивного тела. У него был широкий тонкогубый рот, сжатый в полоску, как у стряпчего, мясистый нос и большие серые глаза, немалую часть времени задумчивые, как у коровы, но иногда искрящиеся пронизательностью. Его кожа отличалась бледностью, он быстро терял волосы, поэтому с первого взгляда на этого степенного мужчину на ум приходили холмы с обширными блеклыми склонами. Будучи аллерским пастором и единственным горожанином в этой компании, он носил талар и беффхен[5 - Талар (лат. tunica talaris – платье длиной до пят) – черное одеяние судей и протестантских священников. Беффхен – белый нагрудник в виде двух ниспадающих лент.], не забывая про шляпу. Его преподобие Эбенезер Праудфут из затерявшейся в вересковой пустоши деревеньки Боулд был слеплен из другого теста. На нем была домотканая крестьянская одежда, на голове синий берет, на ногах грубые башмаки с кожаными завязками и старые колючие шерстяные штаны. Огромный, с жилистым телом и узким лицом, он смотрел на мир маленькими голубыми глазками, в которых читались грубая мощь и пламенный дух. Третий, мистер Джеймс Фордайс из соседнего прихода Колдшо, был хрупким и тощим, бледным то ли от нездоровья, то ли от напряженных умственных трудов. Одетый в выцветший синий кафтан, он и под августовским солнцем кутался в плед. Его лицо можно было бы назвать красивым, если бы щеки его не запали и рот не кривился, словно от боли или сомнений, но ласковые и печальные, почти девичьи, карие глаза искупали всё.

В полдень они сели за стол. Мистер Мёрхед произнес длинную молитву, вдохновенную ароматом, доносящимся с кухни, и начинающуюся соответственно: «Воспою Господу, облагодетельствовавшему меня». На голом дощатом столе вдруг появились все блюда разом: горшок с ячменной похлебкой, вареная курица, пара куропаток на вертеле и тарелка овсяных лепешек. Эдинбургский купец снабдил своего сына кухонной утварью и посудой в изобилии, не виданном в большинстве пасторских домов, поэтому ножей, вилок

и оловянных тарелок хватило каждому гостю. Все в удивлении взирали на явленное богатство, а мистер Праудфут, будто восставая против подобной роскоши, предпочел выбирать косточки из птицы руками. Домашнее пиво тоже не подвело, и все, за исключением мистера Фордайса, воздали ему должное – Изобел частенько наполняла единственную кружку, передаваемую из рук в руки.

– Вот это жизнь, мистер Дэвид, – воскликнул мистер Мёрхед, пребывающий в чрезвычайно хорошем настроении, – совсем не такая, как при вашем предшественнике. У почтенного мистера Макмайкла не то что такого угощения, пресных лепешек не водилось. Но вы попотчевали нас на славу.

Дэвид попытался разузнать о своем предтече, о котором помнил лишь, что в дни его детства пастор был очень стар и разъезжал по приходу на белом пони.

– То был богобоязненный и трудолюбивый священник, – сказал мистер Мёрхед, – но сколько я его помню, груз прожитых лет всегда сильно давил на него. А еще он никогда не отходил от одного и того же ординария[6 - Ординарий – постоянные, неизменяемые тексты литургических служб.], покуда все не выучивали его наизубок. Слышал я, что в своих проповедях он как-то раз на полтора года задержался на фразе «И пришли в Елим; там было двенадцать источников воды и семьдесят финиковых деревьев, и расположились там станом при водах»[7 - Исх. 15:27.]. Что-то мне подсказывает, не был он силен в рассуждениях.

– Он весьма усердствовал в служении, – сказал мистер Праудфут, – и ему не было равных в ограждении столов[8 - Ограждение столов – старинная шотландская церковная церемония, во время которой прихожане усаживались за столами для причастия, тогда как провинившиеся члены общины за столы не допускались, и тем самым причащающиеся «ограждались» от грешников.]. Воистину, судари, был он трубным гласом Господним.

– Нет сомнений в том, что был он хорошим человеком, – сказал мистер Фордайс, – и на небесах ему воздалось. Но был он чересчур стар и слаб для столь грешного прихода. Есть у меня опасения, что оказался он плохим пастырем. Помню, велись разговоры о том, не стоит ли прислать сюда комиссию для проверки.

– Не согласен! – вскричал мистер Мёрхед. – Протестую in toto[9 - В целом (лат.)]. Старейшины Вудили искони славились своим благочестием. Разве не живет тут Эфраим Кэрд, принявший участие в Ассамблее и приложивший руку к бесценному труду во славу Божию в Восточной кирке Собора Святого Эгидия два года тому назад?[10 - Собор Святого Эгидия (Сент-Джайлс) – собор в Эдинбурге, главный пресвитерианский храм Шотландии. В 1642 в Шотландии решался вопрос о том, какую сторону принять в разразившейся в Англии гражданской войне между сторонниками короля и парламента.] Разве не отсюда Питер Пеннекук с непревзойденным даром молитвенного рвения, сравнимым лишь с талантом самого Рутерфорда?[11 - Сэмюэл Рутерфорд (1600–1661) – шотландский теолог и проповедник.] А ежели вспомнить Епископские войны[12 - Епископские войны – серия вооруженных конфликтов в 1639–1640 годах между Шотландией, восставшей против короля Карла I, и Англией.], с какой стойкостью Амос Ритчи поддерживал Ковенант[13 - Национальный ковенант – манифест шотландского национального движения в защиту пресвитерианства, изданный в 1638 г. и ставший основой для сплочения шотландцев в их борьбе против абсолютистской политики короля Карла I. «Торжественная лига и Ковенант» 1643 г. – договор о военно-политическом союзе Шотландии и английского парламента, религиозный манифест, направленный на утверждение пресвитерианства в обоих британских государствах.], не убоившись выйти со старинным мушкетом, оставшимся ему от крестного отца. В Вудили истинной веры в достатке.

– В Вудили в достатке брэнной гордости, мистер Мунго. Народ здесь готов к любым смутам в Церкви или государстве. Но пекутся ли они о своих уязвимых душах? – вопрошаю я. Стремятся ли они схватиться за Христа, аки птицы, когтями вцепляющиеся в каменную стену? Что они делают искупления ради?

– В почтенном мистере Макмаikle не было ни грана хладной расчетливости, – с горечью упрекнул Фордайса мистер Праудфут.

– Жив ли в людях дух Божий? Вот что мне надобно знать, – упорствовал мистер Фордайс. – В округе ходят недобрые слухи о Вудили. Черный лес, будь он в силах говорить, открыл бы немало тайн.

Мистер Мёрхед закончил трапезу, вознес благодарственную молитву и сидел, довольно ковыряясь в зубах.

– Ладно вам, мистер Джеймс, напугаете еще нашего юного брата, внушите ему отвращение к месту, в кое его призвал Всемогущий, а ведь он и осмотреться толком не успел. Я не отрицаю, что Лес на самой околице Будили. Худо это для пастората, ежели дремучим лесом деревню, аки пледом, обернуло. В таких местах, как Будили, точно сам Дьявол бродит и львом ревет. Но Божьи люди могут противостоять ему. Говорю вам, братья, Пресвитерий[14 - Пресвитерий – орган регионального управления в пресвитерианской церкви.] получает из Будили больше доносов о грехе чародейства, чем из любого прихода на берегу Аллера.

– И что это доказывает, мистер Мунго?

– То, что здесь множество набожных и бдительных прихожан, готовых противостоять Врагу рода человеческого. Не время разочаровываться в Церкви и Ковенанте, когда они наконец одержали верх над своими неприятелями. Неужто вы не слыхивали об удивительной милости, снизошедшей на нас в Англии? Намедни в Аллер пришло известие о том, что несколько недель назад при городе Норке состоялось грандиозное сражение[15 - Бой при Марстон-Муре (2 июля 1644 года) – сражение за Йорк, разгоревшееся в ходе английской гражданской войны. В результате победы при Марстон-Муре весь север Англии оказался во власти парламента.] и шотландцы проявили себя как отважные воины, а наш Дэйви Лесли[16 - Дэвид Лесли, барон Ньюарк (ок. 1600–1682) – выдающийся шотландский полководец, ковенантер, активный участник гражданской войны в Шотландии 1644–1646 годов.], воспользовавшись туманом, порубил конницу короля в капусту. Не добрый ли то знак?

– Это знак того, – ответил мистер Праудфут, ничуть не смягченный обильной трапезой, – что наша непорочная реформированная Шотландская церковь не гнушается связями с еретиками, разложенцами и псами, подобными презренному обманщику Кромвелю, заставляющими чистое словесное молоко[17 - Ш. 2:2] киснуть от людских измышлений. Что проку в триумфе Церкви, ежели извращены ее постулаты?

Мистер Мёрхед засмеялся:

– Ничего подобного оно не возвещает. Добрые труды не пропадают втуне, благородное дело Ассамблеи богословов в Вестминстере[18 - Вестминстерская ассамблея богословов – собрание английских теологов и церковнослужителей, созданное в 1643 г. Долгим парламентом для реформирования Английской

церкви. Догматы и обряды, разработанные Вестминстерской ассамблеей, легли в основу пресвитерианской религии.] будет еще долго приносить плоды. Дружище Эбenezер, вы в своем Боулде отрезаны от мира. Ныне у власти Церковь Шотландии, и именно она диктует свою волю королю и всем этим сектантам. Два дня назад я получил письмо от благочестивого аристократа, графа Луденского...

Мистер Мёрхед оседлал своего любимого конька. Он раскурил трубку и в течение получаса разбирал по косточкам политическое положение, всеми силами стараясь убедить собеседников в счастливом стечении обстоятельств, которое послужит «достаточным основанием» для благополучного исхода. Торжественная лига и Ковенант связали Шотландию договором с Господом, и Англия пойдет по ее стопам. Вскоре все узрят умиротворяющую картину, о коей мечтали богобоязненные предки: единая Церковь и истинное Писание станут законом от Лондона до Оркнейских островов, Землей обетованной, в кою потянутся народы мира. Мистер Мёрхед был красноречив, ибо повторял собственную проповедь, с которой когда-то выступал перед Генеральным синодом.

– Слышал я, – сказал он в заключение, – что в Вудили все до единого, способные держать перо, поставили подпись под Ковенантом. Это должно вас вдохновлять, мистер Дэвид.

Мистер Фордайс покачал головой и сказал:

– И сколько из них вписали свое имя из страха или ради преходящих мирских благ? Человечество по-рабски следует за вожаками. Меня гложут глубокие сомнения в том, что вынужденное следование большинству может быть названо духовным здравием. Выбор надо делать по зову совести.

– Это неразумно, – громко возразил мистер Мёрхед. – Вы осмеливаетесь сомневаться в непреложных истинах, мистер Джеймс. Попробую переубедить вас Словом Божьим. Когда царь Иосия[19 - Иосия – сын и преемник Аммона, шестнадцатый царь Иудейский. При Иосии была осуществлена религиозная реформа, состоявшая в централизации богослужения в Иерусалиме и в ликвидации проникших в Иудею под ассирийским влиянием языческих и астральных культов.] заключал пред Господом завет, позволил ли он своему народу выбирать, подписывать его или нет? Отнюдь, он заставил всех – всех до единого, повторяю вам, – в Иерусалиме и колене Вениаминовом заключить его. Четвертая книга Царств, глава 23.

Первый полемист отличался резкостью, второй – упрямством, поэтому Дэвид, желая избежать ссоры, предложил экскурсию по своему преобразованному обиталищу. Но тут появилась Изобел и сообщила, что на крыльце стоит фермер из Чейсхоупа, желающий переговорить с аллерским священником. За ее спиной замаячила огненная шевелюра гостя, Эфраима Кэрда, провозглашенного мистером Мёрхедом столпом Ковенанта и являющегося самым крупным арендатором в приходе. Это был верзила лет сорока, крепкий, но начавший заплывать жирком, рыжий, как лиса, безбровый, с бледным конопатым лицом и сине-зелеными глазами. У него имелась привычка складывать свой и без того маленький рот куриной гузкой, что придавало ему задумчивый и серьезный вид. На заседании Пресвитерского совета он возражал против кандидатуры Дэвида Семпилла, но проголосовал за него, подчинившись воле большинства, а когда Дэвид был представлен приходу, с показным радушием приветствовал нового пастора. Сегодня он выглядел смущенным и учтивым. Он извинился за вторжение, отказался от предложенной пищи и объяснил свой визит тем, что, услышав о гостях, решил воспользоваться случаем и переговорить с мистером Мёрхедом о делах церковных, дабы не ехать для этого в Аллер в разгар сенокоса. Дэвид пригласил мистера Праудфута и мистера Фордайса в кабинет, оставив Чейсхоупа и мистера Мёрхеда беседовать в гостиной.

Мистер Праудфут неодобрительно оглядел книги в темной комнатке, сказав, что лично ему хватает Библии, «Наставлений» Жана Кальвина и комментариев Роберта Роллока к Книге пророка Даниила. На обложке одного из томов он прочитал *Sancti Clementi Opera*, а на другом, труде голландского теолога, – *De Sancti Pauli Epistolis*[20 – «Деяния святого Клементия», «О посланиях святого Павла» (лат.)]. Слово «святой» заставило его вспыхнуть от гнева.

– Папистские бредни, – пробормотал Праудфут, швыряя книги обратно на полки. – Почему есть «святой» Павел, но нет «святого» Моисея или «святого» Исайи? Чудно, что Антихрист утруждает себя выдумкой прозваний для новозаветных апостолов, не трогая старых пророков. Вы еще молоды, мистер Семпилл, и у вас, естественно, мало религиозного опыта. Но прислушайтесь к пожилому человеку, на пути к Небесам не обременяйте себя тяжким грузом печатного краснобайства, когда всего-то и нужно положить в суму одно лишь Слово Божье.

Но мистер Фордайс смотрел на полки жадными глазами. Пережевывая дичь за обедом, он расшатал зуб и теперь выдернул его пальцами и бережно завернул в носовой платок.

– Я храню всякий зуб, случись ему выпасть, – объяснил он, – а потом их положат со мной во гроб, таким образом, все части моего тела будут вместе при Всеобщем воскресении.

– Вы желаете сократить руку Господа?[21 - Переделанная фраза из Книги пророка Исайи: «Вот, рука Господа не сократилась на то, чтобы спасти, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать» (Ис. 59:1).] – запальчиво спросил мистер Праудфут. – Неужто Он не соберет все ваши останки, даже если они будут на краю света?

– Что верно, то верно, – мягко ответил мистер Фордайс, – но такая у меня мечта – собрать весь свой прах в одном месте.

После этого обмена мнениями он накинулся на книги, как голодный на пищу. Нежно открывал их, читал названия, крепко сжимал в руках, словно был не в силах расстаться с ними.

– Вы вдвое младше меня, – сказал он хозяину, – но книг у вас в два раза больше, чем в моем доме в Колдшо. Вы начинаете служение с богатой кладью, мистер Дэвид.

Он знал и одобрял богословские труды, но были книги, при виде которых он укоризненно покачал головой:

– У вас изрядное число языческих авторов, мистер Дэвид. Я бы посоветовал молодому священнику сосредоточиться на древнееврейском, но не на греческом: хотя греческий есть язык Нового Завета, это еще и язык распутной поэзии и язвительной философии, тогда как древнееврейский целиком посвящен Богу... Но вижу, у вас имеются книги и на нем. Ого, да это лексикон Бамбургиуса, я о нем читал, но никогда не видел. Мы должны обсудить некоторые вопросы, мистер Дэвид. У меня возникли кое-какие мысли по поводу огласовки в древнееврейском, и мне бы хотелось услышать ваше мнение о них. – Продолжая просматривать библиотеку, он вдруг издал довольное восклицание, но тут же со стыдом пресек себя: – Храни нас Господь, но это же Иероним Кардано[22 - Джероламо (Иероним) Кардано (1501–1576) – итальянский математик, инженер, философ, медик и астролог. В его честь названы формулы решения кубического уравнения, карданов подвес и карданный вал.] и работы по астрологии других авторов. Друг, и я когда-то имел склонность к звездной науке и могу составить

гороскоп. Не понимаю, почему не использовать это для священных нужд, ведь волхвов в Вифлеем привела именно звезда. Нам с вами надо как-нибудь основательно побеседовать. Ваши книги, подобно Полярной звезде, вновь приведут меня в Будили, а что до вас, то милости просим в Колдшо. Это бедная пустошь, но и там творились чудеса и не раз нисходила на нас Божья благодать. Сам я год назад маялся почечными коликами, мистер Дэвид, а у моей хозяйки от водянки пухли ноги, но Господь не обошел нас милостью, и лекарь из Эдинбурга приписал настойку из черной бузины и руты – всё как рукой сняло. Детишек у нас нет, была дочурка, но лет шесть как Всемогущий призвал ее к Себе.

Внизу мистер Мёрхед закончил разговор, и гости откланялись: двое потрусили через верещатники домой в Боулд и Колдшо, а третий собрался хорошенько отужинать вместе с арендатором в деревенской «Счастливой запруде». Перед отъездом каждый из троих поцеловал Дэвида в щеку и по-своему произнес благословление.

– Живите так, чтобы и вас назвали столпом Церкви, – сказал мистер Мёрхед.

– Не сворачивайте с пути Писания, ибо только в нем истина, – пожелал мистер Праудфут.

Уже попрощавшись, мистер Фордайс взял молодого человека за руку и задумчиво, но ласково пожал ее.

– Буду молиться, – сказал он, – о том, чтобы ваши окна всегда выходили на Иерусалим.

* * *

Гости уехали, и Дэвид Семпилл еще раз осмотрел небольшое имение, как ребенок, пересчитывающий свои сокровища. День незаметно сменился вечером, и склоны Оленьего холма, красные от цветущего вереска, поманили молодого человека на прогулку. Он хотел посмотреть на низину и расположившийся в ней приход издали, вспомнить все черты родного края, успевшие позабыться за прошедшие годы. Его черный кафтан и штаны, пошитые в Эдинбурге, были слишком хороши для прогулок по пустоши, но грубые крестьянские башмаки и вязаные овечьи чулки, подаренные в Ньюбиггине, как нельзя лучше подходили

для этого, и он зашагал по склону размашистой походкой пастуха. Перебравшись через речушку Майр, он увидел усадьбу Майрхоуп, перед ней рос ячмень с крапивой на окрайках, а на другом поле, чуть дальше, покачивались метелки молодого овса. Наконец он почти добрался до вершины Оленьего холма, где лежали аккуратно уложенные поленицы торфа, высушенные настолько, что при каждом дуновении ветерка от них летела густая пыль. Под присмотром пастушонка здесь бродило майрхоупское стадо хилых черных овец, чьи шкуры перепачкались сажей и сваялись так, что животные напоминали чудовищных слизней. Они добывали скудное пропитание, обгладывая заросли вереска, и оставляли за собой вонючие клочки шерсти на искореженных сучьях, так и не очистившихся от гари после мартовского пала. На самой верхушке холма Дэвид удобно расположился на поросшем чабрецом участке между базальтовыми осыпями и поглядел на долину.

Сердце всё еще пело. Посещение священнической братии не смутило его, поскольку даже их приземленность виделась ему сквозь золотистую дымку. Мистер Мёрхед казался отважным дозорным на стенах Иерусалима, мистер Праудфут – стражем чистоты Храма Господня, а мистер Фордайс, с его изможденным ликом и грустными очами, безусловно, был святым. Именно мистер Фордайс запал ему в память. Благостный праведник, хранящий выпавшие зубы, дабы облегчить Господу дело телесного воскресения, любитель звезд и страстный книжник. Дэвида переполняло желание служить Богу, но он чувствовал, что не все обязанности ему по плечу. Он не создан для защиты Церкви от недоброжелателей, представляющих государство; да, он будет ее отстаивать, но не раньше, чем его вынудят к этому. Пусть другие охраняют чистоту канона от примесей: он всей душой принимает церковные догмы, но не его дело создавать их. Всё, чего он алчет, это спасти и утешать людские души.

Здесь, на вершине холма, пастор из Вудили представлялся иным человеком, не похожим на того, кто принимал собратьев в темных комнатках своего дома. Крепкое тело, здоровый цвет кожи и всклокоченные волосы по-прежнему казались мальчишескими, но лицо принадлежало мужчине. Его черты говорили о вдумчивости, духовной утонченности и решительности, несвойственных юности, а в глазах пылала страсть. Его подбородок мог принадлежать борцу, но рот его был ртом утешителя. Пять лет назад он мечтал о жизни ученого. В колледже он считался хорошим эллинистом, а его стихи на латыни и английском были отмечены знатоками, собиравшимися в книжной лавке Роберта Брайсона «Под знаком Ионы-пророка» на Вест-Боу. Когда вера призвала его к служению, он воспринял это не как отказ от прошлого, но как стремление к совершенству. Счастливая увлеченность сделала его слепцом, не замечающим раздоров и

зависти в лоне Церкви, он видел только ее блистательное предназначение. Красота, таящаяся в книжных строках, стала казаться частью еще более величественной красоты мира и Небес в Откровении Господнем. Став проповедником, он не перестал быть гуманистом. Некоторые косились на него, полагая, что для священника он слишком увлечен земными науками, иные думали, что он чересчур жизнерадостен для пастыря в этом брэнном мире. Но недоброжелателей было по пальцам пересчитать, ибо Дэвид излучал такой свет и тепло, что даже самые озлобленные души не могли устоять против его доброго нрава. «Это очень хороший юноша, – отозвался о нем старик священник после рукоположения. – Да будет Всевышний милостив к нему!»

Первым делом глаза Дэвида отыскивали храм Будили. Он смотрел на пастырский домик между деревьями, на кирку с соломенным верхом: когда-то крыша была свинцовой, но граф Мортон[23 - Джеймс Дуглас, 4-й граф Мортон (1525–1581) – один из лидеров протестантов и регент Шотландии в 1572–1581 гг. в период несовершеннолетия короля Якова VI.] приказал ободрать ее и переплавить в пули. Смотрел на похожие на улы деревенские постройки и возвышающуюся над ними двускатную крышу «Счастливой запруды». Смотрел на соседние усадьбы: Мэйнз, Чейсхоуп, Нижний Виндивэйз, Кроссбаскет и две фермы Феннан, каждая с лоскутами полей на склонах над болотами. Он видел мельницу Будили, бездействующую в ожидании урожая, и стога сена на холме Виндивэйз, и мельника, стригущего овец. Этим ясным вечером всё вокруг дышало миром и покоем, и сердце Дэвида затрепетало. Тут живет его народ, его паства, приглядывать за которой его поставил Бог. Душа устремилась к ним, и в этом внезапном приливе нежности он почувствовал, что никогда у него не было ничего более важного, чем этот озаренный закатным солнцем приход.

Он поднял глаза и поглядел вдаль, на высокогорье, окружившее долину, подобно огромному амфитеатру. Поначалу взгляд его казался отрешенным, но он вспомнил дни детства и начал перечислять про себя названия вершин. Вон лысая верхушка Лэммерло, вон Зеленая Груда, за ними длинная гряда Хёрстейнских утесов, в детстве так манивших неизведанными тайнами. Холмы прорезало изумрудного цвета ущелье, по которому из далеких истоков нес свои воды Аллер, а за ним виднелись более темные скалы и вереск Рудской долины. Он сумел разглядеть там луга, где некогда так любил резвиться. Раньше он смотрел на всё другими глазами, ведь ребенок живет в увеличенном воображением мире и видит огромное в малом. Поразительно: до этого он не понимал, насколько обширны местные леса. Он вспомнил, как ездил в Руд фут сквозь чащу, вспомнил бесконечные заросли кустарника вдоль речки Руд. Но тогда его владениями были луга и открытые пространства, и в памяти остались

лишь залитые солнечным светом пустоши, где кричали кроншнепы и чибисы, а из продуваемых ветрами верещатников били источники. Но сейчас он ощутил, что хозяин этой местности – лес.

Лес был везде, он душил низину Вудили и Аллерскую долину и до самых вершин окутывал холмы мраком. Особенно дремучим он казался у подножия Рудских склонов, а выше редел, превращаясь в дубравы и орешники, между которыми виднелись чисти. Пейзаж пробудил фантазию. Вудили всего только прогалина в чаще. А вокруг *Silva Caledonis*, Каледонский лес; о нем писали в старинных книгах, он когда-то покрывал всё вокруг, в нем простирались владения короля Артура. Ему пришли на ум скверная латынь барда Мерлина и странные вирши Честного Томаса[24 - Томас Лермонт из Эркельдуна (ок. 1220 – ок. 1290), также известный как Честный Томас или Томас-Рифмач – шотландский бард, персонаж кельтского фольклора.] – бабушкины сказки об этом священном крае. Он вырос на них, но не придавал им значения, и теперь это пришло как откровение. *Silva Caledonis!* Где-то там наверху, у вод Руда, стоял Калидонский замок. Неужели даже название не поменялось?

Воображение молодого человека не знало удержу, и он уже другими глазами смотрел на зеленое море, сияющее бликами там, где протекал Аллер. Сперва, в мягком вечернем свете, округа выглядела мирной и уютной, даже темные сосны будто светились изнутри, а колышущиеся верхушки березовой рощи походили на дым родного очага... Но стоило солнцу упасть за холмы, картина резко преобразилась. Тень превратилась в мрак, во враждебную, непроницаемую черноту. Березы всё еще колыхались подобно дыму, но сейчас это был густой дым языческого алтаря. Умиравшее солнце окрасило далекие отмели Аллера, и они заструились кровью... Священник задрожал, но тут же посмеялся над своей глупостью.

В лощинах легла тьма, но на верхушках холмов пока было светло. Огромный лес, казалось, двигался, уподобившись всплескам прилива, вздымающегося и грозящего поглотить песчаную отмель – Вудили. Священник вновь посмеялся над собой, но теперь не столь уверенно. В тенях древней чащи ему мерещилась таинственная жизнь. Вудили никогда не станет похожим на остальные приходы, как и его паства всегда будет отличаться от людей из других мест. Лес, многовековой Каледонский лес, давно завладел их душами и определил их нрав... Дэвид вспомнил, что кто-то назвал его Черным лесом... Точно, они говорили об этом днем. Мистер Мёрхед намекнул, что худо жить в такой близости от него, и мистер Фордайс мрачно покачал головой, сказав, что, если бы деревья

умели говорить, они бы открыли много страшного... Неужели здесь оплот Дьявола, заманивающего глупцов во тьму? Не о заблудшей ли душе говорится: *Itur in antiquam silvam?*[25 - Идет в древний лес (лат.). - Вергилий, «Энеида», VI.]

По натуре Дэвид не был суеверным человеком, но обладал избыточно живым воображением и умом, отточенными занятиями, а потому быстрым. Он успел почувствовать, что нашел себе противника. Не станет ли Вудили для слуги Божьего пограничной заставой против ужасных тайн язычества?.. Вдруг за спиной Дэвида раздался голос, и по телу пробежала дрожь.

Кто-то напевал слова заговора против боглов[26 - Боглы, или эттины, - гиганты из британского и шотландского фольклора. Но здесь имеется в виду весь волшебный народ, эльфы и феи.], знакомые пастору с детства:

Прочь отсюда уходи,

Поспешай, других не жди.

Вдоль речушки в злые топи

Пошустрей отсюда топай.

Из сумерек выступила причудливая фигура. Это был высокий парень, которого будто переломили посередине, потому как передвигался он, согнувшись почти вдвое. В меркнувшем свете Дэвид увидел, что пришедшему лет тридцать, борода у него черная и густая, губы выпуклые и красные. Одежда его давно превратилась в лохмотья, швы старого кожаного колета зияли дырами, короткие шерстяные штаны обтрепались, ноги он обмотал грязными тряпками. Башмаков не было, неумытое лицо цветом напоминало бузину. Он опирался на длинный ясеневый посох; синяя шапочка, как ермолка, плотно обтягивала голову.

Дэвид узнал в парне Тронутого Тибби, деревенского дурачка, приветствовавшего его на ординации мычанием и воплями. При встрече на улице Тибби показался ему обычным полоумным калекой, каких селяне и за людей не считают, но в сумрачном свете на холме он представлялся ожившим мертвецом, странным выходцем из старого мира. Священник непроизвольно сжал свой посох покрепче, но намерения Тибби были самыми дружескими.

– Добрейшего вам вечера, мистер Семпилл, сэр. Увидал, как вы лезете на холм, и порешил пойти следом, вот как хотелось поздороваться и побаять с вами. Но пропустили вы, что тот косой. Быстроног-то как, молвил я себе, для Божьего слугителя вельми быстроног, хучь и негоже пасторам этак бегать.

Существо говорило таким красивым и нежным голосом, что казалось, он принадлежит женщине, а не мужчине. Произнося это, Гибби беспрестанно кланялся, гладил руку Дэвида и заглядывал ему в лицо яркими, сумасшедшими глазами. Затем он вцепился в рукав пастора и силком заставил повернуться и осмотреться:

– С Оленьего холма, сэр, много чего увидеть можно, не то что с Фасги[27 - Фасга, гора Невб или Небо, гора Моисея — гора на западе Иордании. Согласно Второзаконию, с этой горы Господь показал Моисею всю Землю обетованную.] с одним токмо видом на Землю обетованную. Гляньте на нагорье, тама вам и пригожая пойма Алл ера, и славная деревенька Вудили, в коей домишки так и льнут к кирке, ровно котятки к мамке.

– Я смотрел на Лес, – сказал Дэвид.

Гибби разразился громким хохотом:

– Во мгле вечерней вид с Оленьего холма вельми причудлив. Токмо отсель дано узреть немалое паучиное тенёто, ведь понизу в долине сокрыто оно от взора купами дерев так, что башка кружится и как под чарами ходишь. Ох и диковинный у нас Лес, мистер Семпилл, сэр!

– А ты его хорошо знаешь, Гибби?

– Я-то?! Я туды не ходок. Держуся проторенных троп, зане страшуся его темных глубин. – Он вновь засмеялся и шепнул прямо на ухо: – Но в иной час и я иду в Лес. Иду, мистер Семпилл, как кое-кто в Вудили.

Он вглядывался в лицо священника, стараясь понять, как тот воспринимает его слова.

Заметив недоумение Дэвида, он довольно усмехнулся:

– Гибби даст совет, сэ, не бродите обок Леса. Не для Божьих людей то место, не для вас, сэ, и не для горемыки Гибби.

– Зовут ли местные его Черным лесом?

Гибби сплюнул.

– Разве что пришлые, – презрительно сказал он. – В Лесу-то ничего «черного» нету. Но ведомо ли вам, как извеку прозывали тутешние места? – снова доверительно зашептал он. – Меланудригилл.

Дэвид повторил название. Он начал мысленно перебирать то, что знал о языческих верованиях, и гадать, нет ли в слове греческих корней.

– Должно быть, название переводится как «место у темных вод», – предположил он.

– Не-а, не так. Ошиблись вы, мистер Семпилл. Никаковских темных вод в Меланудригилле не водится. На юг текут семь горных рек, и вода в них чиста, как и в Аллере. Но помалкивайте об этом при других, мистер Семпилл, и не проболтайтесь, что проведали про то от Гибби. Само слово худое, лихое. Его можно говорить токмо в безопасных местах, рещи на Оленьем холме, но случися вам шепнуть его в Лесу, почнет твориться неладное. Я и самолично свое имя тама молвить не смею.

– Ты ведь Тибби. Тибби и всё?

Лицо мужчины сначала вытянулось от страха, но потом просветлело.

– Человеку Писания я могу открыть его. Имя мне Гилберт Нивен. Ведаете, где я получил его? В Лесу, сэ. Ведаете, кто мне его даровал? Добрый народец. Но помалкивайте о том, что сказываю вам.

Ночь вступила в свои права, и Дэвид, в последний раз взглянув на черный провал под собой, направился домой. Дурачок захромал рядом, шагая так широко, что крепкие ноги молодого священника с трудом поспевали за ним.

Тибби не переставал бормотать:

– Внимайте совету Тибби, держитесь от Леса сторонкой, мистер Семпилл, а коли надобно вам вдругоряд в Руд фут аль в Калидон, не сворачивайте с торного пути. Слыхивал я, что во время оно, покуда кирка была монастырем, монахи что ни год выходили с колокольцами да свечами и благословляли дорогу, дабы не встречался на ней боглов. Но ажно они, души святые, не решалися забредать в Лес. Не ведаю, поболе ли у пастора сил, чем у монаха, но человек в здравом уме так и деет. Гуляйте по добрым местам, как этот холм, а ежели придет нужда пуститься в путь, поезжайте на запад чрез Чейсхоуп, а на восток – чрез Аллерский приход. Божий человек в Лесу без помощи.

– Разве нет там моей паствы?

Гибби замер как громом пораженный.

– Вашей паствы! – вскричал он. – В Лесу! – Он недоверчиво посмотрел на Дэвида. – Не, не-а. Никто тама не селится. Нижний Феннан и тот чуток в сторонке, а Риверсло от ближнего дерева на расстоянии полета стрелы. Но селиться в Лесу! Не, не, надобно отбить себе глuzды, дабы решиться на этакое! Нету тама домов, выстроенных рукою человечьей, никто не желает быть сцапанным боглами, раньше чем поднимется первый урожай.

Около Майрхоупской усадьбы Гибби поспешил прочь, ухая, как ночная птица.

Глава 2

Дорога к Калидону

Священник только успел приступить к ужину, состоявшему из каши и пахты, когда в комнату влетела мрачная Изобел. Ее морщинистое красное личико было мокро от слез.

– Пришла дурная весть с займища, мистер Семпилл. О Марион Симпсон, жене Ричи Смэйла, гриншилского пастуха. Марион, горемыка, год как слегла, и вот

время ее на исходе. Ходебщик Джонни Дау к ним заглядывал и тотчас к нам, рассказывает, Ричи сам не свой, а жена его навряд ночь протянет, надобно пастору спешно в Гриншил идти. Детят им Бог в милости своей не дал, но Ричи с Марион души друг в дружке не чаяли. Ричи добрый христианин, ажно шла молва о том, что изберут его старейшиной в Совет. Разумею я, пора вам в дорогу, сэр.

Это было его первое пасторское посещение, поэтому Дэвид охотно откликнулся на просьбу, хотя и собирался перед сном провести время за книгами. Он всунул ноги в сапоги, оседлал серого пони, накинул на плечи плед и через десять минут был готов отправиться в путь. Изобел наблюдала за ним с материнской заботой.

– Обрато приедете, а я ужэ эля согрела: издрогнете вы до кости, хучь ночка выдалася ясная да затишная. Тропы-то ведаете? Вверх по Майрхоупу, а тама окружь холма.

– Через Руд фут будет быстрее, дело не терпит задержек.

– Но то ж по Лесу, – выдохнула Изобел. – Я б ни за какие коврижки по тьме туды не поехала, никто б из Вудили не поехал. Но с пасторами-то всё иначе, дело ваше.

– Дорога ровная? – спросил Дэвид.

– Угу, дорожка-то ровна. С дорожкой-то всё славно. Однако ж боязно тама ехать опосля заката. Но вы поезжайте, сэр, Божий слуга не таков, как простой люд. А луна вам путь осветит.

Дэвид отъехал от кирки, миновал раakitник и кусты бузины возле Кроссбаскета, проследовал по долине до речки Вудили, а оттуда до леса было рукой подать. Он сам не понял, как въехал в него, очутившись среди корявых елок, разбросанных по верещатнику. Они поодиночке росли вдоль дороги, зато справа на косогоре и ниже по течению реки хвойные заросли превращались в темное облако бора. Августовская ночь выдалась довольно светлой, и тропа, немало покореженная торчащими из земли корнями, белела перед ним. Обмелевшая после летней засухи речка шумела где-то вдалеке, в воздухе витали сладкие ароматы сосны и папоротника, непроглядная пуща, встречаясь с небом, начинала походить на зазубренную мраморную стену. Мир вокруг благоухал и безмолвствовал. Не так уж и страшен Черный лес, подумалось Дэвиду, есть на

земле места и пострашнее.

Внезапно у поворота за холм деревья сомкнулись, совсем как если бы Дэвид разделся и нырнул в стоячее озерцо. Дорога словно потеряла направление и пошла там, где дозволялось, воровато извиваясь с молчаливого согласия Леса и образуя бессмысленные изгибы, будто чьи-то невидимые руки отмахивались от нее. Лошадку, так легко добравшуюся сюда, теперь надо было понукать и колотить пятками и посохом в бока. Она боялась чего-то незримого, топталась на месте, пятилась и тяжело сопела, точно чувствовала что-то. Внутри Дэвида всё похолодело, и как только в душу закрался страх, он попытался прогнать его, просвистев пару нот, а потом заговорив вслух. Он читал псалом, но голос, обычно громкий и густой, не было слышно и в паре шагов от него. Стена деревьев словно не пропускала звук. Дэвид попробовал кричать – с тем же успехом. Вдруг раздалось эхо, напугавшее своей странностью, пока он не понял, что это сова. Вслед за ней заухали другие, и лес наполнился жуткими криками. В ярде от него, хлопая крыльями, промчался филин, и лошадка встала на дыбы.

Дэвид миновал узкий вход в долину, и речка Вудили засверкала позади, неся воды в глубины Фенианской топи с ее редким перелеском. Дорога поднабралась храбрости и ненадолго распрямилась и расширилась, пронзая березовую рощу. Но сосны вновь настойчиво сомкнули ряды, так что большак превратился в тропинку, напоминающую лесенку из-за торчавших повсюду корней. Вокруг порхали мотыльки, показавшиеся Дэвиду неземными: белые мерцающие создания, касающиеся крыльями его лица и пугающие лошадку почти до безумия. Она шла медленной трусцой, но всё равно ее бока и шея были мокры от пота. Пастору пришлось слезть и вести ее, прощупывая каждый шаг ногой, потому что слева тропа под опасным углом уходила под откос. Совы не умолкали ни на миг, но теперь к их хору присоединилась другая птица с воплями, похожими на визг ржавой пилы. Дэвид свистел, кричал, смеялся, но голос, казалось, исходил из-под толстого одеяла. Он подумал, что это из-за пледа, но плед укутывал грудь и плечи и совсем не закрывал рта... Потом Лес неожиданно расступился, и Дэвид очутился посреди лугов.

Он узнал местность, ведь после мгливой чащи открытое пространство, даже не озаренное луной, было очень светлым. Впереди лежала пойма Адлера, справа – такая знакомая Рудская долина. Сейчас он был готов посмеяться над своими страхами: он стоял среди полей, на которых играл мальчишкой... Почему он забыл про Черный лес, как такие воспоминания могли стереться? Ах да, он всегда ходил в Руд фут другой дорогой, той, что за Оленьим холмом, но неужели

он ни разу не забредал на опушку темного соснового бора в миле оттуда? Он предположил, что ребенок огражден от всего безобразного невинностью... Но и тогда у него были страшные сны, в которых он убегал от боглов. Но не из Леса... Без сомнения, все эти страхи возникли с приходящей со временем порочностью человеческой души.

Дэвид заметил вытянутый силуэт заброшенной и быстро разрушающейся Рудфутской мельницы. Водяного колеса не было, лишь опоры торчали, как поломанные зубы, протока заросла камышом, сквозь дыры в ветхих стенах виднелся склон холма. Он давно знал, что место пустоет, однако сердце кольнуло от боли, ведь он так лелеял память о прошлом... Тропа свернула в лощину у бурлящего Руда, и у Дэвида неожиданно поднялось настроение. Этот укромный уголок не мог поменяться, когда-то он исходил его вдоль и поперек, и каждый камень таил в себе восхитительные воспоминания. Проснулись былые чувства, те, что он испытывал, когда, вырвавшись из Эдинбурга, вновь посещал излюбленное пристанище, чуть не плача от возбуждения и радости. Лес по-прежнему был рядом, но представлялся теперь иным лесом, его собственным лесом. Обочины поросли орешником, пышные березы и рябины укрывали дорогу как полог, а не злая тень. Дубы казались старыми друзьями, ясени – товарищами по играм. Лошадка наконец пришла в себя, и Дэвид вновь забрался на нее и двинулся сквозь росистую ночь, переполненный счастливыми воспоминаниями.

Он ехал вверх вдоль Руда – он всегда мечтал сделать это. Ему еще не доводилось так далеко забираться в Калидон, ведь в детстве за день много не протопашь. В те дни он дал себе обещание, что, когда вырастет и обзаведется конем, доедет до самого истока – до подножия Рудхоупа, до болотистого верещатника, в котором рождается Руд. Слова «вверх по реке» всегда были усладой для его ушей. Он вспомнил, как ночами лежал в постели, прислушиваясь к разговорам у дверей мельницы, куда приходили люди из тех мест: гуртовщики из Моффата, пастухи с дальних угодий, а один раз отряд солдат с юга. Там, у истока, стоял древний Калидонский замок. О Хокшоу складывали баллады, легенды о них знала каждая бабка. В старину они совершали набеги вдоль Руда и Аллера до самой границы, а когда Масгрейвы и Салкелды ответили им вторжением, Хокшоу разбили их наголову на марше. Дэвид ни разу не видел ни одного Хокшоу: все мужчины их рода либо воевали, либо находились при монаршем дворе, – но они всегда жили в его грезах. Чаще всего он мечтал о девочке, похожей на златовласую дочь короля Малькольма из ирландской сказки про рыжего великана, мечтал о том, как спасает ее от смертельной опасности, а высокий, одетый в кольчугу отец благодарит его. И на нем тоже была кольчуга... Дэвид засмеялся, опять представив себе это. Как же

отличались его мечты от тихого служения в приходе Вудили!

Повернув к Гриншилу, он с сожалением вспомнил, зачем приехал сюда. Он тешил себя пустыми воспоминаниями по дороге к предназначенному ему месту у смертного одра. Приближаясь к жилищу пастуха, пони и наездник выглядели очень серьезными: лошадка устала брести по торфянику, а человек с прискорбием размышлял о собственной суетности.

В единственной комнате тускло мерцали лучины, дверь с окном были нараспашку. Щели убогой хижины, сложенной без раствора из взятых на этом же холме камней, забивали земля и торф, крыша была покрыта высушенным вереском. Священник сразу понял, что опоздал. У погасшего очага на низком табурете сидел хозяин, обхватив голову руками. У спального шкафа[28 - Спальный шкаф – разновидность кровати, распространенная в Западной Европе в период Средневековья.] суетилась женщина, разворачивая грубую простыню. Возможно, гриншилский пастух и считался хорошим христианином, но в доме имелись вещи, совсем не относящиеся к Библии.

У изножья постели стояла плошка с крупной солью, а изголовье венчали скрещенные ветки ясеня.

Женщина, жена пастуха с соседнего пастбища, слышав шаги Дэвида, прервала свое скорбное занятие.

– Вот он, тучочки, – запричитала она. – Ричи, пастор пришел. Горюшко горькое, сэр, не успели вы соборовать бедняжку Миррен. Час как отошла на небеса, уж какдохала-задыхалася – и угасла. Тело я подготовила, теперича покойницу обряжаю. Как уж Миррен это бельишко любила, чистым держала, ореховыми веточками да розмарином перекладывала. Подите поближе, сэр, гляньте, как всё ладно. Прямо будто смерть ее не коснулась, тихохонькая лежит, как ребятёночек. А хорошавушка-то какая, не было у Руда никого ее пригожей.

Щеки покойной напоминали воск, на глазах лежали монеты, отчего лицо приобрело сходство с голым черепом. Болезнь истончила черты; нос, подбородок и очертания лба казались вырезанными из слоновой кости. Дэвид редко сталкивался со смертью, но нахлынувшее было отвращение быстро сменилось невыносимой скорбью. Он едва слышал стрекотню жены пастуха.

– Трудилася рук не покладая, а нонче с легкою душою отправилася на свиданье с Господом. Ох, будь благословен ее путь в тамошний край. Бывали деньки, когда она думала, что помрет, оставит Ричи. «Элспет, – говаривала мне, – как же бедолага жить-то без меня станет?» А я ей в ответ: «Миррен, подруженька ты моя, велик Господь и милосерд, огородит Ричи от бед и напастей. Живут же птички небесные», – ответствовала ей я.

Дэвид подошел к вдовцу, всё еще сидящему на скамеечке у очага, и положил руку ему на плечо. Мужчина был подавлен обрушившимся горем.

– Ричи, – обратился к нему священник, – я не успел помолиться вместе с Марион, но могу помолиться с тобой.

Он начал произносить молитву, такую, как обычно, состоящую не из мозаики обрывков Писания, а понятную всем, и пока он говорил, плечо под его рукой задрожало, точно от рыданий. Дэвид был искренен в своем обращении к Богу, он долго ехал сквозь живой, цветной мир, но оказался в холодной и мрачной обители смерти. Ему было жаль многолетнего, но рассыпавшегося в прах семейного счастья и оставленного в одиночестве старика. Когда он закончил, Ричи оторвал руки от лица, и глаза, до этого пустые и сухие, затуманились слезами.

– Я не ропщу, – сказал пастух. – Бог дал – Бог взял, и я благословляю Его имя. Речено у Апостолов: Миррен ушла к Христу, в лучший мир. Иной раз сиживали мы с нею с пустыми закромами, ветер и сырь пробивались сквозь стены, огонь никак не хотел разгораться – голодовали мы и дрогли. Но Миррен больше не будет голодать, попала она под надежную защиту и славно отужинает за Господним столом. Но всё же, сэр, желается мне, чтоб была на то Божья воля и я отправился в тамошний край об руку с нею. Я старик, дитяток у нас нету, и до конца дней слоняться мне, как зверю дикому, по этой земле. Господь меня еще не скоро приберет.

– Замыслы Божии всегда верны и справедливы. Если Он пощадил тебя, Ричи, значит, есть у Него для тебя работа на этом свете.

– Не ведаю я, о чем вы. Тяжко мне, ногами скорбному, ходить по косогорам, да и ничегошеньки мне не осталось, опричь моих овец. Они ягнятся, надлежит их подстригать да резать, вот и все труды, припасенные для меня Богом.

– К чему бы ты ни приложил руку, во всем замысел Господень, лишь бы в душе жил страх пред Ним.

– Видать, так и есть, сэр. – Мужчина поднялся с табурета, оказавшись широким в кости, но тощим и очень сутулым. В зыбком свете он внимательно посмотрел на священника: – Вы вельми юны для пастора. Но я всею душою был за вас, сэр, зане проповеди ваши бойки да мощны, что тот вихрь. Помню, повторял я их для Миррен... От них на душе становилось тепло... верно, это потому как голос у вас молодой. Ведь вас Джонни Дау сюда кликнул. Благодарствую, что поспешили. Жаль... жаль, не увидали вы Миррен живою... А покуда не уехали, есть у меня челобитье: благословите сей разрушенный дом и старика с Христом в сердце, но с мятежною душою.

Когда Дэвид уходил, ему показалось, что пастух поднял руку, словно сам благословлял его.

* * *

Луна висела над долиной, озаряя ее желтым светом и смягчая очертания гор между Рудом и Аллером. В воде плясали блики, и виделось, будто на отмелях серебряные рыбки преследуют золотых. Сердце молодого человека разрывалось от случившегося. Смерть идет след в след с людьми, подкарауливая за каждым углом, нашептывая на ухо в кирке и на рынке, тихонько подсаживаясь к ним у их же очага. Скоро и гриншилский пастух ляжет рядом с женою, а еще чуть-чуть – и его собственное крепкое тело станет горсткой праха. Какой же слабой и хрупкой казалась жизнь в той бедной хижине по сравнению с великим, полным движения миром лесов и холмов и его невозмутимым существованием. Но именно люди были зеницей ока Господня. В хрупкости разбитых человеческих сердец заключалась вечная жизнь Искупителя. «Ты, Господи, – повторял Дэвид про себя, – основал землю, и небеса – дело рук Твоих; они погибнут, а Ты пребываешь; и все обветшают, как риза, и, как одежду, свернешь их, и изменятся; но Ты тот же, и лета Твои не кончатся»[29 - Евр. 1:10-12.].

Но как только дорога пошла по березовой роще, настроение Дэвида приобрело неуловимо языческий оттенок. Он не мог не поддаться энергии молодой крови, бегущей по телу, немало оживленной пребыванием в долине детства. Смерть есть мерило всего, но юности так далеко до смерти... Приглушенные тона и изящество пейзажа, линии холмов, стертые лунной дымкой, ударили в голову,

как вино. То был мир преображенный и зачарованный. Слева темным пятном раскинулся Меланудригилл, как паук, натянувший сети над нагорьем и лощинами, но впереди и справа всё сияло золотистым светом. Он ехал в родные края, и они встречали его с распростертыми объятиями. «Salve, o venusta Sirmio»[30 - Милый мой Сирмион, ликуй (лат.) – строчка из стихотворения «Всех полуостровов и островов в мире...» Гая Валерия Катулла. Перевод С. Шервинского.], – закричал он, и сова заухала в ответ.

Выехав на дорогу к долине, он не повернул на Рудфут. Хотя лес Меланудригилл не страшил его более, его потянуло к заросшей папоротником полянке на берегу Руда, где он любил рыбачить в детстве. Он свернул в вересковые заросли и вскоре стоял у кромки воды.

Оттуда он направил лошадку вдоль ольшаника и нос к носу столкнулся с небольшим конным отрядом, остановившимся там.

Перед ним были трое верховых – военных, судя по кожаным шляпам и дублетам, а также по тяжелым кавалерийским мечам; они сидели на тощих лошадях и вели еще одну на поводу. Когда Дэвид на них натолкнулся, они совещались и от неожиданности дернулись, схватившись за оружие. Но, рассмотрев, кто перед ними, успокоились.

– Доброго вечерка, приятель, – сказал тот, что выглядел как вожак. – Поздненько путешествуете.

Дэвид с удовольствием избежал бы подобной встречи, потому что о бродящих по долине солдатах ходила дурная слава. Говоривший, должно быть, понял, что на уме у незнакомца, и продолжил, объясняя:

– Пред вами трое воинов графа Ливена[31 - Александр Лесли, 1-й граф Ливен (1580–1661) – выдающийся шотландский полководец, ковенантер, фельдмаршал Швеции (1636), активный участник гражданских войн в Англии 1642–1646 годов.], держащих путь на север после доблестного сражения с неприятелем. Все мы из Ангуса[32 - Ангус – историческая область на востоке Шотландии.], и генерал в честь победы дал нам отпуск. Не подскажите нам, как проехать к Калидонскому замку?

Вероятно, они приняли Дэвида за молодого фермера или повесу, припозднившегося в кабаке или у зазнобы.

– Я жил здесь в детстве, но недавно вернулся в эти места, – ответил пастор. – И всё же думаю, что могу показать вам дорогу на Калидон. Луна сегодня яркая.

– Славная луна, – сказал другой солдат, – так знатно светила, покуда мы ехали вдоль Аллера, но даже ярчайшая луна не в силах подсобить сыскать жилище в густом бору, коли сам дороги не ведаешь.

Всадники выехали из тени ольхи туда, где светлее. Это были солдаты, обычные солдаты, весьма поистрепавшиеся, на усталых, загнанных лошадях. Кляча, тащившаяся на поводу, напоминала скелет. Но Дэвид заметил в них нечто, не соответствовавшее рассказанной ими истории. Говорили они по-деревенски, но голоса звучали не как у селян. Они не походили на изнуренного работой Джока или круглолицего Тэма от сохи. Все трое были подтянуты, а руки, держащие поводья, отличались изяществом. Осанкой они могли бы потягаться с любым придворным, в речах проскальзывали нотки, свойственные людям, привыкшим отдавать приказания. На худом лице смуглого вожака читалась усталость, подчеркнутая темными кругами вокруг глаз; второй говоривший был высоким загорелым парнем с бельмом на левом глазу и беспокойным взором задиры, тогда как третий, до сих пор не проронивший ни слова и выглядевший скорее как стремянный, стоял чуть позади вместе с клячей, но Дэвид не преминул заметить, что, хотя дублет его превратился в лохмотья, усы были аккуратными и ухоженными, а подбородок аристократическим. «В войсках Ливена течет благородная кровь, – подумалось ему, – эти трое явно привычны к парадным покоем». К тому же вряд ли какой отправленный в отпуск солдат вот так запросто заедет переночевать в Калидонский замок.

Он вывел их на дорогу в долине и хотел было указать, как ехать дальше, но обнаружил, что память подводит его. Он точно знал, где на холме находится Калидон, но, хоть убей, не мог объяснить, какая тропа ведет к нему.

– Придется мне стать вашим проводником, судари, – сказал он им. – Я могу отвести вас в Калидон, но указать дорогу не в силах.

– Будем премного вам обязаны, сэр, но не хотелось бы вас затруднять. Сами-то небось не в ту сторону путь держите?

Молодой человек рассмеялся:

– Погода чудесная, и я не тороплюсь очутиться в постели. Через полчаса мы будем стоять у ворот Калидона.

Он повел их по вересковой пустоши, потом вброд через Руд, а затем по березовой роще. Дорога была плохая, и стремянный с плетущейся за ним клячей едва успевал за компанией. Солдаты оказались на редкость человеколюбивыми и с трогательной заботой присматривали за ним, не уставая предостерегать: «Осторожнее, Джеймс, слева мочажина» или «Лучше пройди там, по кочке». Пару раз идти становилось совсем тяжело, и тогда спутники придерживали ведомую под уздцы кобылу, пока слуга двигался дальше. Дэвид видел, что его лицо посерело от измождения.

– Полезайте на моего конька, – предложил он, – а я поведу вашего. Мне и тропу будет сподручнее искать. Остальным же лучше спешиться. Дорога узкая, и так получится быстрее.

Солдаты беспрекословно послушались его, а усталый стремянный сел на серого пони Дэвида. Это принесло ему облегчение, крайняя озабоченность стерлась с лица, и он наконец смог оглядеться вокруг. Березовая роща сменилась голым склоном, на котором даже серый пони с трудом передвигался по каменной осыпи, а ноги лошадей разъезжались и соскальзывали. Миновав речушку и поднявшись на другой склон, они вошли в густую дубраву, которая, насколько было известно Дэвиду, опоясывала Калидон, заставляя путешественников даже в такую светлую ночь брести в темноте. Они то и дело спотыкались о поросшие мхом камни, путаница ветвей низко свисала над тропой, мешая движению, местами путь преграждал непролазный кустарник, и приходилось петлять, обходя его. Стремянный на пони что-то бормотал себе под нос, и Дэвид с удивлением расслышал латинские слова. «*lbant obscuri sola sub nocte per umbram*»[33 - Шли вслепую они под сенью ночи безлюдной (лат.). – Вергилий, «Энеида», VI. Перевод С. Ошерова.], – шептал он. Дэвид продолжил стих: «*Perque domos Ditis vacuas et inania regna. Quale per incertam lunam...*»[34 - В царстве бесплотных теней, в пустынной обители Дита, так по лесам при луне, при неверном свете зловещем. – Там же.]

Всадник засмеялся, и Дэвид, подняв глаза, впервые рассмотрел его лицо – продолговатое, очень бледное, небритое и грязное, но ни в коем случае не принадлежащее слуге. Тонкий орлиный нос и широкие, красиво очерченные

брови были привлекательны, но глаза приковывали к себе в первую очередь – серые, сияющие, властные и в то же время задумчивые. Дэвид так отвлекся на спутника, что споткнулся о камень и едва не свалил лошадь.

– Вот уж не знал, – тихо и мелодично произнес наездник, – вот уж не думал, что встречу в этих местах ученого.

– И я не ожидал, – сказал Дэвид, – что люди Ливена читают Вергилия.

Они выехали на дикий выпас, заросший мелким колючником и с огромной каменной крепостью посередине. Здесь горная речка текла по дну оврага, используемого как защитный ров замка, кажущегося при свете луны белым, точно мрамор. Не без труда преодолев спуск, они очутились на большаке, ведущем из долины и заканчивающемся у высокой арки ворот, вокруг которых ютились с полдюжины хижин.

Заслышав цокот копыт, из домишек выскочили люди, и один из них вцепился в сбрую передней лошади. Дэвид со стремянным ехали позади, и переговоры вел смуглый вожак. Рука, вцепившаяся в поводья, тут же отпустила их: эти простые солдаты держали себя как высокородные дворяне.

– Мы желаем переговорить с хозяином Калидона, – сказал смуглый. – Вот, передайте ему перстень. Он знает, что это.

Дэвиду показалось любопытным, что кольцо с печатью, отданное в замок, хранилось у слуги.

Через пять минут посланец вернулся:

– Хозяин ожидает вас, судари. Я заберу лошадей и оружие, коли оно у вас имеется. Сюда пожалуйте, через большую воротину.

Дэвид собрался уезжать.

– Вот вы и в Калидоне, – сказал он, – пора нам попрощаться.

– Ну уж нет, – воскликнул смуглый. – Пойдете с нами и отведаете доброго вина за оказанную услугу. Николас Хокшоу с радостью попотчует вас.

Дэвид хотел отказаться: час был поздний, а путь до Вудили неблизкий, – но стремянный положил руку ему на плечо.

– Пойдемте же, – сказал он. – Сочту за честь посмотреть на знатока Вергилия при свете поярче, чем лунный.

К своему изумлению Дэвид вдруг понял, что такая просьба не терпит отказа. Спокойное лицо спутника излучало настоящую власть, и священнику почему-то расхотелось уезжать.

Вся компания спешила, военные прихрамывали после долгих часов в седле. Но хромота смуглого жоака никуда не пропала и через несколько шагов, и Дэвид понял, что у того покалечена левая нога. Войдя во двор, они увидели квадратную громаду замковой башни. В низком дверном проеме, украшенном высеченным в камне ястребом, родовым изображением Хокшоу, трепетал огонек свечи.

Военные склонились, проходя внутрь, и Дэвид увидел, что свечу держит молоденькая девушка.

Глава 3

Гости Калидонского замка

– Не желаете ли войти, судари? – спросила девушка.

На ней была темная домотканая одежда, голову и плечи покрывала яркая шаль. Она держала свечу прямо перед собой, и Дэвид не мог разглядеть ее лицо. Он предпочел бы поехать домой, а не входить в Калидон в столь поздний час в компании незнакомцев, но рука стремянного на рукаве удерживала его.

– Надо, надо выпить на посошок, приятель. Вся ночь впереди, луна еще так высоко.

Ступени резко уходили вверх почти от самого порога. Калидон строился как приграничная крепость, первый этаж которой отводился под хлев и конюшню, а люди жили наверху.

Девушка указывала дорогу:

– Прошу за мной, судари. Мой дядя ожидает вас.

Они оказались в огромном помещении, занимающем всю ширину здания, а в длину ограниченном только коридором и лестницей. Дюжина свечей, зажженных в явной спешке, освещала темные дубовые балки и голый камень стен между грубыми шпалерами. Деревянный пол, побуревший от времени и употребления, покрывали разбросанные овечьи и оленьи шкуры. Мебель состояла из двух длинных дубовых столов, огромной дубовой лавки и многочисленных тяжеловесных табуретов старинной работы; у большого открытого очага стояли два древних кресла, обтянутых тисненой кордовской кожей. В очаге тлели угли, и прозрачный голубоватый дымок поднимался вверх, пятная копотью гигантский герб, вырезанный из камня и окруженный лесом оленьих рогов и добытыми в боях тарчами и пиками.

Дэвид, привыкший к низким городским потолкам и маленьким комнатам, пораженно оглядывал громадный зал и чувствовал себя не в своей тарелке. В детстве легенды о Хокшоу слишком глубоко врезались в его сознание, и теперь он не мог войти в это жилище без благоговейного трепета. Его так поглотило созерцание замка, что он вздрогнул от неожиданности, увидев его владыку: к ним подошел хромой человек, сгреб в охапку смуглого предводителя и расцеловал в обе щеки.

– Уилл, – сказал он, – мой старый товарищ Уилл! Добрым ветром занесло тебя нынче в Калидон. Это ж надо, шесть лет не видались.

Хозяин был среднего возраста, очень широкоплечий; густые волосы на массивной голове растрепались, оттого что с них только что сдернули ночной колпак. Он не успел переодеться: завязки дублета и штанов болтались, а поверх он накинул старый клетчатый шлафрок. Его оторвали от чтения, и курительная

трубка всё еще дымилась у раскрытого фолианта. Дэвид обратил внимание, что изучал он «Киропедию»[35 - «Киропедия» – произведение древнегреческого писателя и историка афинского происхождения Ксенофонта; описание жизни и правления персидского царя Кира. Филемон Холланд (1552–1637) – английский педагог, врач и переводчик.] в переводе Филемона Холланда. Глаза хозяина были голубыми и холодными, щеки красными, борода русой с металлическим оттенком, а голос порывистым, как ветер нагорья. Хокшоу сильно хромал при каждом шаге.

– Дружище Уилл, – кричал он, – ты да я, то ж цельный отряд калек. Войны в Германии[36 - Здесь и далее речь идет о событиях Тридцатилетней войны (1618–1648).] оставили нас обоих колченогими. А кого ты с собой привел?

– Таких же, как я, солдат Ливена, Ник, возвращающихся домой в Ангус.

– На сей раз в Ангус? – Хокшоу подмигнул и задорно расхохотался.

– В Ангус, но мы слишком долго постились, дабы тратить время на имена и звания. Богом клянусь, нас терзает зверский голод, какой мы с тобой не знавали в Тюрингии. И со мной добрый человек, проводивший нас через ваши болота и заслуживший угощение.

Николас Хокшоу внимательно посмотрел на Дэвида:

– Не буду утверждать, что знаком с этим джентльменом: я слишком долго отсутствовал в родных местах и многое позабыл да упустил из виду. Однако недостатка в мясе и пиве у нас нет, и я успел приказать Едому пошевеливаться, едва получил твой знак. У нас тут знатное пивко, немало бутылок французского, да от отца Канарское крепленое осталось. На закуску ветчина и здоровенный кусище пирога, уж не знаю, что еще в том пироге, но тетерева, бекасы и зайцы, что я сегодня настрелял, точно все в нем. Да Едом тоже не промах, найдет чем угостить в Калидоне. Держи свое кольцо, Уилл. Стоило мне узреть герб на нем, я смекнул, что ко мне приехал кое-кто поважнее...

– ...твоего старого друга Уилла Ролло и двух бедных солдат Ливена. А мы-то о нашей важности и ведать не ведаем.

Смуглый взял перстень и передал его стремянному, стоявшему вместе с Дэвидом в сторонке, и глаза Николаса Хокшоу на мгновение расширились от изумления.

Дряхлый слуга и босоногая чернавка принесли угощение, и двое воинов накинулись на него, как изголодавшиеся вороны. Стремянный ел мало, пил еще меньше и, хотя был самым худым из троицы, казался равнодушным к выставленным блюдам. Хромой, звавшийся Уиллом Ролло, наконец насытился и погрузился в воспоминания вместе с хозяином замка. Второму кавалеристу, долговязому и жилистому, требовалось больше, и вскоре на месте пирога лежал лишь кусочек. Он подвинул остатки – крылышко куропатки и заячьи потроха – поближе к стремянному, но тот улыбнулся и жестом приказал унести их. Дэвид подумал, что у Ливена живется неплохо, раз к слугам относятся с такой заботой.

– Славные были денечки, когда сражались мы под знаменами Мелдрума[37 - Джон Мелдрум (?—1645) – англо-шотландский военный деятель.] за Протестантский союз. Этот человек умел повести за собой, хоть у нас и не нашлось равных великому Густаву[38 - Густав II Адольф (1594–1632) – король Швеции, часто упоминается как «Снежный король» и «Лев Севера».], способному вдохновить на подвиги войско с таким множеством наречий да племен, будто при столпотворении Вавилонском. Да, поздненько мы там появились. Не бились при Брейтенфельде[39 - Битва при Брейтенфельде (1631) – один из эпизодов Тридцатилетней войны, в ходе которого шведы нанесли мощное поражение Католической лиге под командованием Тилли. Первая крупная победа протестантов в столкновениях с католиками.], а застали лишь черный день при Лютцене да еще более горькое поражение при Нёрдлингене, когда повел нас Бернхард[40 - Бернхард Саксен-Веймарский (1604–1639) – протестантский полководец.], как стадо, на бойню[41 - Битва при Лютцене (1632) – одна из крупнейших битв Тридцатилетней войны между шведскими войсками под командованием Густава II Адольфа и габсбургскими подразделениями, в ходе которой погиб шведский король. Битва при Нёрдлингене (1634) – одно из ключевых сражений третьего периода Тридцатилетней войны, приведших к окончательной утрате Швецией позиций гегемона в Германии, новому усилению позиций Габсбургов и вступлению в войну Франции.]. Для тебя, Уилл, то был конец кампании. Помню, оставил тебя среди павших, облобызав на прощание, и тут же сам заполучил пулю из мушкетона промеж ребер. Позже услышал я, что ты жив и вернулся в Шотландию, но сам я в ту пору был со стариком Врангелем[42 - Герман Врангель (1587–1643) – шведский фельдмаршал.] в Померании и не ведал, куда от собственных забот деться.

Разговор всё продолжался, вспоминали бытность свою в Лиге, тяготы походной жизни и полузабытые сражения, сыпали именами: Лесли, и Гамильтонов, и Керров, и Ламсденов, и еще сотни шотландских наемников...

- Ушел я в отставку после года службы у Торстенссона[43 - Леннарт Торстенссон (1603-1651) - шведский полководец.] с его шведами... случилась небольшая заварушка в Саксонии, и имел я несчастье поймать рикошетом осколок ядра в лодыжку, хромать мне отныне до скончания дней. Служил я под началом полковника Сэнди Лесли, брата Лесли из Болкхейна, того самого, что умертвил Валленштейна в Эгере[44 - Альбрехт Венцель Эусебиус фон Валленштейн (Вальдштейн) (1583-1634) - имперский генералиссимус и адмирал флота, выдающийся полководец Тридцатилетней войны. Убит заговорщиками в замке Эгер (сейчас Хеб в Чехии). Майор Уолтер Лесли участвовал в убийстве.], но был он благороднее своего родственника и хорошим протестантом. Он отправил меня домой, ибо с того дня солдат я сделался никудышный. Да я и сам это скоро смекнул, лишь увидел, как наш эскулап залатал мне ногу... Потому-то ты и застал меня здесь, Уилл. Отсиживаюсь в сей груди камней, доставшейся мне от пращуров, хоть слухи о войне носятся над долиною, как восточные ветры. Жду твоего рассказа. Дошло до меня, что Дэйви Лесли...

- О новостях позже, Ник. С нами гость, коему болтовня о войне ни к чему.

Дэвиду показалось, что между двумя старыми солдатами мгновенно возникло понимание, особенно после того, как под столом один наступил другому на ногу.

- Я человек мирный, - сказал Дэвид, в котором проснулось любопытство, - но и до меня добрались вести о славной победе войска ковенантеров в Англии. Если вы и впрямь идете с юга, я бы с радостью узнал об этом побольше.

- То была верная победа, - начал кривоглазый кавалерист, - потому-то Ливен и отпустил нас домой. С жалованьем в кошеле, что не всяк солдат в сих краях видал.

- Я слышал, - продолжил Дэвид, - что Армия ковенантеров сражалась за высокие идеи, а не за низкий барыш.

- Это за какие такие идеи?

– За чистоту веры и Венец Христа.

Кавалерист тихонько присвистнул:

– Точно. Не поспоришь. В войске Ливена то и дело Писание восхваляют. Но, добрый друг, одним Святым Словом сыт не будешь, надобно подумать и о хлебах и рыбах. Не хлебом единым жив человек, а вот как быть, коль хлеба нету, проповедями-то брюхо не набьешь. Барыш не низок, ежели честно добыт, и добыт для семейства – жены да детят. Служил я во многих землях и средь странного люда, и поверьте, сэр, первое, о чем помышляет солдат, это его жалованье.

– Но он не может сражаться без идеи.

– Еще как может – и будет вельми хорош, коль у его сержанта рука тяжела. Видал я в Европе, как наемники вставали каменной стеной пред конем Валленштейна, ибо ведали дело свое и страшились смерти меньше, нежели языка командира. И видал я дворян, гордых, как Люцифер, благородных, как львы, с красивыми словесами на устах, но бросающихся врассыпную, стоило им слышать первый залп. Войну решает дисциплина.

– Но если есть дисциплина, не поможет ли убежденность в собственной правоте сражаться еще достойнее?

– Истину глаголете, и ведома она еще одному человеку в Англии – Кромвелю. Его кавалерия надежна, аки железная ограда, и неистова, аки река в паводок. У них дисциплина шведов Густава, а в сердцах адский пламень. Верьте мне, ничто в сих землях не устоит пред ними.

– Я не питаю любви к еретикам, – сказал Дэвид. – Но неужели шотландцы менее стойки, неужто Ковенант не разжигает огонь в их душах?

Мужчина пожал плечами:

– Ковенант для солдата, аки кислая капуста. Дэйви Лесли удалось сколотить своих людей в подобие армии, ведь он обучался военному делу у Густава. Думаете, нашей пехоте, живущей на пресных лепешках, есть дело до черных

сутан Вестминстера? Человек сражается за короля, за свою страну и за свободу служить Господу на свой манер. Но пока у него имеется голова на плечах, он и пальцем не пошевелит лишь за-ради церковного правления.

Дэвиду стало не по себе. Он чувствовал, что необходимо вступить за веру, иначе он будет повинен в грехе Мероза, чьи жители были прокляты, когда не пришли на помощь Господу. Но ему мешало ощущение, что он и сам до конца не верит в собственную правоту. Это же не богохульство сомневаться в том, насколько глубоко проник Ковенант в людские души? Разве пастор из Колдшо не высказал сегодня подобное опасение?

Николас Хокшоу не отводил от него взгляда:

– Должен же я тебя, приятель, знать, раз талдычат мне, что ты из наших краев. Да и лицо у тебя навряде знакомое, а имя припомнить не выходит.

– Зовут меня Дэвид Семпилл. Я новый пастор прихода Вудили.

– Внучок старика Уота с Рудфутской мельницы! – вскричал Николас. – Слышал, что вы прибываете, сэр, тем паче являюсь главным собственником при приходе. Рад встрече. Дружище, знавал я вашего дедушку, никогда меня, мальчика, без гостинчика не отпускал. Вы вернулись к своим людям, мистер Семпилл, да будет ваше служение в Вудили долгим и счастливым.

Но гости не разделяли благодушия хозяина. Они переглянулись, и высокий пересел, заняв место между Дэвидом и стремянным. Последний отмалчивался весь разговор, не проронив ни слова даже после ужина, просто сидел со склоненной головой, будто глубоко задумавшись. Но вот он поднял глаза на Дэвида и произнес:

– Я не менее предан Церкви Шотландии, чем вы, мистер Семпилл. Вы назначенный приходской священник, я смиренный церковный старейшина.

– Какого прихода? – тут же спросил Дэвид.

– Моего родного прихода к северу от Форта.

Дэвид посмотрел в лицо говорившему и сразу забыл о его потрепанной одежде и низком звании.

В ярком свете пламени он увидел, что это лицо дворянина. Каждая черта говорила о высоком происхождении, в контурах рта читалась твердость, печальные серые глаза светились умом. Голос звучал приятно и мелодично, весь облик свидетельствовал о благородной – и властной – натуре.

Теперь, когда высокий кавалерист пересел, ничто не закрывало стремянного от взгляда Николаса Хокшоу. И произошло нечто странное. Хозяин, долго всматривавшийся в гостя, сначала с удивлением, а потом с узнаванием, привстал и собрался заговорить. В его глазах, которые он был не в силах оторвать от стремянного, Дэвид заметил почтение, смешанное с восторгом. Но опять нога хромого Уилла опустилась на ступню хозяина замка, а рука легла на предплечье. При этом Уилл произнес несколько слов на языке, незнакомом Дэвиду. Николас, с тем же удивленным и взволнованным лицом, опустился на место.

Вновь раздался голос стремянного:

– Вы ученый, вы молоды, вы горите своим призванием. Вашему приходу повезло с пастором, и желал бы я, чтобы священнослужители по всей Шотландии были такими, как вы. Но что общего в ваших и моих устремлениях? Чистые идеалы и свободная Церковь? Неужели ничего, кроме этого?

– Более всего на свете я желаю быть поводырем для паствы, дабы привести ее в Царство Небесное.

– Аминь! Но дело здесь не только в спорах вокруг церковного управления. Вы тоже ратуете, если я понял вас верно, за свободу и благосостояние Отчизны, мечтаете, чтобы наша земля обетованная жила в мире и процветала в своих границах.

– Если будет достигнуто первое, второе не заставит себя ждать.

– Без сомнения. Но только если воцарится мир... только если Церковь ограничится спасением душ и не распространит свои труды на бесплодные пустоши. Она должна подчиняться лишь Царю Иисусу. Заметьте, не царю

Ковенанту.

Его слова напомнили Дэвиду горькие упреки мистера Фордайса, брошенные в лицо пасторам из Аллера и Боулда.

– Подобаает ли священнику или приходскому старейшине изыскивать недостатки в делах Церкви? – спросил он, но фраза прозвучала не слишком уверенно.

Стремянный улыбнулся:

– С должным ли почтением вы, мистер Семпилл, относитесь к Королю, как приказывает Писание?

– Я предан его величеству в той мере, в какой его величество предан закону и религии.

– Вот как. Таковы и мои убеждения. Король должен знать пределы своего господства, только тогда он имеет право властвовать в свободной стране. Моя преданность Церкви зиждется на том же. Я верен ей, пока она исполняет обязанности, возложенные на нее Богом, а это, прежде всего, ее долг вести смертных к Господу. Стоит ей забыть об этом и с присущим ее служителям высокомерием влезть в дела мирские, я восстану против нее, как восстал бы против короля в схожем случае. Ведь при подобной порочности и Церковь, и король обратятся в тиранов, а люди, стремящиеся к свободе Христовой, не должны терпеть тирании.

– Тем более шотландцы, – вставил высокий кавалерист.

– Мне это не совсем ясно, – помолчав немного, сказал Дэвид. – Я пока не задумывался над этими вопросами, я совсем недавно был рукоположен, а всю юность посвятил мирским наукам.

– Однако это отличная основа для познания премудростей теологии. Сдается мне, вы зрелый латинист и, возможно, еще и эллинист. Вы читали Аристотеля? Знакомы с историей Древнего мира, озарившей своим светом более поздние времена? Я бы искал аргументы именно в этом арсенале.

– А я бы не стал искать основы христианского государства в деяниях языческого прошлого.

– Но, сэра, принципы правления неизменны. Господь предупреждал, что кесарю кесарево, а богу богово. Римляне слыли мастерами в искусстве управления государством, и они не пытались ввести единую религию во всех уголках империи, а довольствовались тем, что улаживают конфликты с помощью закона, не вмешиваясь в дела богослужения. Это они заложили первоосновы терпимого мира, без которых христианская религия не выжила бы.

– Несомненно, Бог направил помышления римлян в Своих целях. Я попытаюсь оспорить ваше утверждение. Церковь Христова живет, и вера в Христа является основанием христианского государства. Гражданский закон, если он не христианский, преступление против Бога.

Молодой мужчина улыбнулся и ответил:

– Я не отрицаю этого. Наше королевство именует себя христианским, желал бы я, чтобы оно больше соответствовало этому описанию. Но это не освобождает страну от обязанности подчиняться тем законам управления, без которых ни одно государство, будь оно христианское или языческое, не просуществует. Если кузнец настолько плох, что не может подковать моего коня, мне не станет лучше от осознания, что он хороший христианин. Если страной плохо управляют, число обрушившихся на нее бед не уменьшится, даже если все ее правители – Божьи люди. Если король, вы уж простите за столь дерзкий пример, обходит закон во вред подданным, он всё равно будет тираном, несмотря на его искреннюю веру, что этим он исполняет волю Всемогущего. Добрыми намерениями дурных поступков не исправить, дурак останется дураком, и всё равно, атеист он или боголюбец.

Дэвид покачал головой и спросил:

– И к чему приведут ваши суждения? Боюсь, что к расколу.

– Не думаю. Я преданный сын Церкви, верный слуга Его Величества и любящий Родину шотландец. Таковы, друг мой, мои убеждения. В стране лишь один господин, имя его закон, а сам он творение свободного народа, вдохновленного на то Всемогущим. Этот закон можно изменять волеизъявлением народа, но,

пока его не изменят, его следует уважать и ему подчиняться. Он предопределяет исключительные права монарха, права подданного и права и обязанности Церкви. Государство подобно организму, который здоров лишь тогда, когда между его членами установлено равновесие. Признаем богом человеческое чрево – пострадают конечности; будем пользоваться одними ногами – усохнут руки. Посему, если король начнет ущемлять права подданного, или подданный посягнет на власть короля, или Церковь вознесется над короной, государство заболит, а народ захиреет.

Всё это время несколько удивленный Николас Хокшоу внимательно слушал стремянного, не отводя взгляда от его лица, тогда как смуглый вожак с кавалеристом выказывали признаки недовольства.

– Джеймс, дружище, – сказал высокий, – ты ошибся в выборе призвания. Надобно тебе было податься в профессора и вдалбливать истины в пустые головы студиозусов.

Хромой Ролло заерзал на скамье, желая перевести разговор в иное русло.

– Терпение, Марк, – сказал стремянный. – Не так уж часто бедному солдату Ливена удастся поболтать с единомышленником. Я не сомневаюсь, что образ мыслей мистера Семпилла не слишком отличается от моего.

– Я полностью поддерживаю ваши предпосылки, но меня смущают ваши выводы, – сказал Дэвид.

– Сегодня наша страна живет предписаниями, а не законом. Есть люди, желающие превратить короля в марионетку и отдать власть парламентам; есть и мечтающие сосредоточить светскую и духовную власть в руках Церкви, подобно тому как это сделал Кальвин в Женеве. Я утверждаю, что оба пути ведут к безумию и горю. Если изменить справедливое распределение прав и обязанностей, получится не свобода, а неразбериха. Вот вы, мистер Семпилл, ученый, но читали ли вы Фукидида?[45 - Фукидид (ок. 460 – ок. 400 до и. э.) – крупнейший древнегреческий историк, автор «Истории Пелопоннесской войны».] Позволю себе смелость и посоветую перечитать его, обращая особое внимание на моральную сторону.

– Так за кого вы выступаете? – вдруг спросил Дэвид.

– За свободный народ Шотландии. Да и вы, судя по вашим уверениям, на его стороне, вы же печетесь о Божьем стаде в этих землях. Задумайтесь, сэр, если равновесие будет нарушено и король потеряет часть власти, станет ли лучше жить людям? Ну уж нет, потерянные привилегии уйдут не к народу, а к его угнетателям. Получится анархия, которая не преминет разрушить всё; однажды эта анархия породит тирана, и тот железной рукой установит свой порядок. Таков мир, друг мой.

– Вы за Ковенант?

Этот вопрос заставил всех, кроме стремянного, вздрогнуть.

– Хватит политики, – вскричал Ролло. – Это тема не для измотанных дорогой людей.

Но стремянный поднял руку, и все замолчали.

– Я за Ковенант, завет Божий. Я сражался за него шесть лет и не вложу меч в ножны, пока мы не добьемся свободы для нашей страны. В этом будет настоящая воля Господа.

– Но сейчас мы не о том, первом договоре. Что вы думаете о Национальном ковенанте?

– Если вы об этом документе, то к нему я отношения не имею и особой любви к его Церкви не питаю. Совершив такой шаг, Церковь перешла границы, отведенные ей Словом Божьим и законом людским, отчего пострадают ее прямые обязанности. И не мне рассказывать вам, служителю Христову, что для простого народа это означает лишь голод и притеснения. *Quicquid delirant reges, plectuntur Achivi*[46 - Что б ни творили цари-сумасброды, страдают ахейцы (лат.). Гораций, «Послания», I, 2, 14. Перевод Н. Гинцбурга.]. Не будет ли угоднее Господу, если Его служители продолжают утешать больных, вдов и сирот, вести их к райским вратам, вместо того чтоб цепляться за мирскую власть?

Перед глазами Дэвида возникли две картины: вот довольные пасторы из Аллера и Боулда трапезничают и беседуют, а вот старый гриншилдский пастух оплакивает жену. Эти воспоминания принадлежали разным мирам, и Дэвид

внезапно осознал, что мирам тем не дано слиться воедино. Его начала терзать мысль, что у кого-то плевела, а у кого-то зерна веры. Как сквозь сон, он услышал слова стремянного:

– Я напомню вам отрывок из Писания, мистер Семпилл: «Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды – любимое насаждение Его. И ждал Он правосудия, но вот – кровопролитие; ждал правды, и вот – вопль»[47 - Ис. 5:7.].

* * *

Он не заметил, как все вдруг поднялись, и повернул голову, только услышав громкий голос Николаса Хокшоу.

Перед ними стояла девушка, та, что открыла им дверь, но тогда было слишком темно, и он не смог разглядеть ее лицо.

– Катрин, милая, что-то ты задержалась, – сказал Николас. – Я уж подумал, что ты улизнула от нас в постель. Это дочь моей сестры, судари, помогает мне скоротать время в этой старой развалине, дитя того самого Роберта Иестера, что сражался и пал за Монро[48 - Роберт Монро (1601–1680) – шотландский генерал, участник Тридцатилетней войны. После поражения при Нёрдлингене в 1634 году вернулся в Шотландию.] в тридцать четвертом. Перед тобой, Катрин, три воина Ливена и мистер Семпилл, новый пастор прихода Вудили.

На девушке было голубое бархатное платье с приподнятым спереди подолом, приоткрывающим расшитую нижнюю юбку из плотного желтого атласа. Шея и плечи были обнажены, лиф украшали замысловатые кружева. Темные волосы она стянула в узел на затылке, а по обеим сторонам лица свободно струились локоны. Дэвиду никогда прежде не случалось видеть такой красоты: девушка ничем не напоминала эдинбургских барышень, по субботам наряжавшихся и выходивших прогуляться в город. Черты ее были нежны и тонки, щеки пылали здоровым юным румянцем, блестящие темные глаза искрились весельем. В другой день Дэвид смутился бы, увидев глубокий вырез ее платья, считающийся приличным исключительно при Дворе, но в то мгновение он не обратил внимания на ее одежду. Прелестное видение заморозило его.

Катрин улыбнулась ему – она улыбнулась всем им – и присела в реверансе перед дядей, Ролло и кавалеристом. Но не поклонилась священнику, потому что, как только взгляд девушки упал на стремянного, ее охватило волнение. Губы зашевелились, будто готовясь заговорить, но она сдержалась: от Дэвида не ускользнуло, что стремянный предостерегающе поднес палец ко рту. И она склонилась в глубоком реверансе, гораздо более почтительном, чем первый, а когда мужчина протянул ей руку, взяла ее так, словно собиралась поцеловать.

Всё это повергло Дэвида в смущение. В жизни он едва перемолвился десятком слов с дамами, не принадлежавшими к его семье, и это волшебное создание заставило его колени дрожать. Семпилл забормотал слова прощания: он и так вышел за рамки любых приличий, ему предстоит долгая дорога домой, да будет путь его новых друзей чист и безопасен, он обязательно вернется в Калидон с пастырским визитом.

– Да уж, сэр, про нас не забывайте, – сказал гостеприимный Николас. – В Калидоне всегда найдется славное угощение для священника из Вудили.

Дэвид поклонился девушке, и она впервые взглянула на него, вопросительно и оценивающе, и одарила мимолетной улыбкой. Через пять минут он на своей лошадке переезжал Руд вброд.

Он избрал окольный путь вокруг Оленьего холма и ехал по покатым склонам и верещатнику в ярком лунном свете. Мысли его немного путались из-за всей этой вереницы событий, случившихся в первый же день его служения. Но, несмотря на весь сумбур, перед глазами возникали два лица – стремянного и девушки... Он вспомнил разговор, и его начала мучить совесть. Был ли он предан своим обетам? Не повинен ли он в грехе Мероза? Не выслушал ли он безумные поношения молча?.. Он не знал, да и не хотел знать этого: ему был важен не сам спор, а тот, с кем он спорил. Лицо молодого стремянного оказалось красноречивее слов; без сомнений, то было лицо товарища, глаза которого излучали дружелюбие. Дэвиду захотелось вновь повидаться с ним, быть с ним рядом, следовать за ним, служить ему, но он не знал его имени, да и вряд ли им суждено встретиться опять. Дэвид был очень юн, он чуть не расплакался от нахлынувших чувств.

А девушка?.. Встреча с ней представлялась венцом этой ночи чудес. Она не походила на стремянного, и Дэвид предпочел бы избегать ее: ей не было места в его мире. Но всё-таки это было чудо! Воспоминание о ней настроило его на

поэтический лад, и пока он ехал к себе, в голове вертелись строки из Гомера, описывающие, как троянские старцы видят приближающуюся Елену и поражаются ее красе:...?? ??????? ?????? – как же там было? «Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы брань за такую жену и беды столь долгие терпят: истинно, вечным богиням она красотой подобна»[49 - Гомер, «Илиада», III, 156–158. Перевод Н. Гнедича.]

А потом, при воспоминании об изможденном лице мертвой женщины в Гриншиле, в душу пришло раскаяние.

Глава 4

Преданный слуга

Два дня пастор из Вудили был рассеян и беспокоен. Книги не увлекали его более, прогулки по холмам навевали скуку, он едва притрагивался к пище, отчего сморщенное лицо Изобел выражало отчаяние. Погода стояла жаркая, небо затянуло тучами, но дождя не было, лишь гром ворчал над долинами, и Изобел решила, что причина хандры священника в этом. Но Дэвид страдал не от тягот телесных. Он-то считал себя одетым в броню слугою Божиим, с горением в душе и во всеоружии пред соблазнами мира, и вдруг – ба! – один-единственный вечер, и его переполняют нечестивые устремления и грешные помыслы.

Он лишь изредка думал о девушке: она скорее напугала, чем привлекла его. Но из головы не шел Меланудригилл. Куда делась его христианская стойкость, если ночной лес мог заставить его дрожать, как заблудившегося ребенка? Всю жизнь Дэвид держал страхи в ежовых рукавицах: если что-то по-настоящему пугало его, он полагал это достаточной причиной, чтобы посмотреть в глаза боязням. Внутренний голос говорил ему, надо опять пойти в Меланудригилл ночью, забрести в самые его глубины, доказать себе, что ничего колдовского там нет... Но неодолимый ужас сковывал сердце. Лес хотел от него того же, пытался заманить в чащу любыми ухищрениями, будь то любопытство или страх. Поддайся он порыву, Лес овладеет им. Ему, как слугителю Господню, следовало с самого начала отринуть мысль, что это место являет собой не просто безлюдную грудку камней, поросшую деревьями, а нечто большее, и не предаваться фантазиям, столь неподобающим взрослому человеку.

Рассуждая таким образом, он ощутил некоторое утешение. Но воспоминания о Калидоне, солдатах и словах стремянного продолжали беречь душу. Не был ли он подобен лаодикийцу из Откровения, оставаясь тепл, а не горяч и не холоден, когда надо было проявить себя?.. Он перебирал мельчайшие подробности памятной беседы. Те люди принижали Торжественную лигу и Ковенант, а он не остановил их... Однако речи их были речами добрых христиан и преданных сынов Церкви... Почему стремянный так подробно рассуждал о законе и правлении? Дэвиду было нечего возразить ему: представленная теория государства выглядела весьма разумной. Но она решительно противоречила заявленной позиции Церкви, которой он поклялся служить, – и как же сейчас относиться ему к собственным обетам?.. Противоречило ли всё это Писанию и духу его веры? Он мучительно думал об этом, но ответа не находилось.

Казалось, ему следует обратиться за советом к более мудрому слуге Божию, например к аллерскому пастору, и рассказать о своих метаниях. Но это было невозможно. От бледного, одутловатого мистера Мёрхеда исходило не больше света, чем от кучи торфа, в ушах Дэвида звенел его самодовольный голос, и он живо представлял себе вежливое снисхождение в коровьих глазах. Не лучшим выходом виделось и обращение к воинственному собрату из Боулда, относящемуся ко всему человечеству не иначе, как к нечестивым амалекитянам, и делающему исключение лишь для немногих избранных, что разделяли его ревностную набожность. Дэвид мог найти утешение у мистера Фордайса, и он не раз был готов оседлать лошадку, чтобы мчаться в Колдшо, но всегда отказывался от поездки, и если бы он собрался с силами и спросил себя, почему так, его бы удивил ответ. Его не пускала преданность – преданность молодому человеку, представившемуся стремянным и говорившему с ним как учитель и товарищ. Чары той необыкновенной ночи не покидали его. В Эдинбурге у Дэвида было мало друзей, да и с теми, что были, он не обрел особой близости. И вот ему впервые в жизни встретился человек, сумевший растопить его сердце. Он с болью и симпатией думал о той благородной и властной учтивости, обворожительной улыбке и уверенном взгляде задумчивых серых глаз. «Хотелось бы знать, нет ли во мне солдатской жилки, – думал он. – Я с радостью готов следовать за этим человеком прямо на пушки».

На третий день, во время похорон Марион из Гриншила, к нему наконец пришло успокоение. Приходу не понадобилось покупать ей гроб, как обычно делалось для бедняков: фермер из Риверсло, хозяин Ричи, оплатил всё сам и вечером присутствовал при последних обрядах. В тот день Дэвид прошагал семь миль до хижины пастуха, где тот приготовил скудное поминальное угощение – пиво и

овсяные лепешки. В отличие от католической традиции отпевания мертвых священник не должен был читать молитв в доме покойной или на ее могиле, впрочем, и вдовец не присутствовал на погребении, но Дэвид поступил по-своему, помолившись вместе с мужем, плакальщицами и пятью-шестью пастухами, пришедшими на похороны. Четверо молодых мужчин несли легкий гроб, а Дэвид сопровождал их всю дорогу до Вудили. Фермер из Риверсло, угрюмый, смуглый и темноволосый человек по имени Эндрю Шиллинглоу, вокруг которого ходили недобрые слухи, ожидал их за поворотом и побрел бок о бок со священником. Звонарь Неемия Робб, исполнявший обязанности могильщика и церковного сторожа, встретил их у ворот с толпой сельчан. Под похоронный звон небольшого колокола в руках Робба все прошли к неглубокой яме, лишь женщины остались за оградой кладбища. Гроб опустили, забросали землей, и через пять минут всё было кончено. Никто не пошел семь миль по пустоши обратно в Гриншил, ибо «помины» не предполагались. Мужчины отправились в «Счастливую запруду», колокол водрузили обратно на дерево, две-три женщины всплакнули, и последний призрак Марион исчез в сумерках вместе с силуэтами удаляющихся людей, панихидными голосами повторяющих: «Вот и не стало бедняжки Миррен».

Эти скудные и простые в своей бедности похороны пробудили в Дэвиде нежность и умиротворение. Тучи больше не застили неба, утром пролился дождь, и полдень пах мягкой осенней свежестью. Пастор молился вместе с Ричи, но молился еще и за себя, а когда шагал по тропе вдоль Оленьего холма за гробом, ощутил, что на его молитвы получен ответ. Он более не сомневался в своем предназначении. Ему дарована эта паства – люди у кирки, измотанные жизнью труженики, за бессмертие душ которых он несет ответственность, – и сердце наполнила неизъяснимая радость. Он точно знал, зачем живет, и, наверное, что-то изменилось в его лице сообразно этим новым ощущениям, потому что люди приветствовали его, но тут же отходили, словно не желая отвлекать от размышлений. Только Риверсло, уже думающий о том, как он знатно погуляет в таверне, откуда уйдет пьяным далеко за полночь, оказался нечувствительным к настроению пастора. Он схватил священника за руку и затряс ее так, будто встретил знакомого гуртовщика на ярмарке. Он явно хотел поговорить, но не нашел нужных слов и ушел, сердито попрощавшись.

* * *

Лето в тот год будто не желало уходить, и осень была лучшей за последние двадцать лет. Весь сентябрь сияло солнце, жаркое, как в июне, утренние

заморозки начались только к концу октября, снег же выпал лишь на третью неделю ноября. Скучные посевы, по большей части серый овес и ячмень, чуть разбавленные горохом и льном, успели вызреть, и урожай был быстро собран. Вязальщицы снопов дни напролет трудились в полях, а босоногая ребягтя наслаждалась жизнью, свистя в тростинки и плетя невероятные броши из соломы. Затем настала пора обмолота и веяния на крышах амбаров, обдуваемых первыми ветрами с востока. Но никто не пошел на жнивье подбирать упавшие колоски, ибо считалось делом богоугодным оставить на стерне пропитание для птиц небесных. Наконец все немногочисленные плоды земли были занесены под крышу, на болотистых пустошах остались крошечные стога сена, необмолоченный овес отправился в пуни, а зерно – в житницы, и вскоре мельница в Вудили радостно закричала, перемалывая зимнее пропитание. Все в приходе знали, сколько причитается лэрд[50 - Лэрд – представитель нетитулованного дворянства в Шотландии. Лэрды образовывали нижний слой шотландского дворянства и, в отличие от титулованных лордов, участвовали в парламенте Шотландии не непосредственно, а через своих представителей.]. Николас Хокшоу не требовал непосильного, ограничиваясь скромной рентой и не повышая ее в зависимости от собранного урожая, но всё равно целую неделю у Оленьего холма можно было видеть вереницу телег, везущих «оброк» в амбары Калидона. Как-то днем священник наблюдал за перевозкой, стоя рядом с Эфраимом Кэрдом, арендатором из Чейсхоупа, угрюмо глядящим, как возвращаются его лошади.

– Вот так и тает наш и без того малый урожай, – сказал фермер. – Как говаривали встарь: «Часть сажать, часть сжевать, часть хозяину отдать». – По его глазам было видно, как он ненавидит Калидон.

В тот год в День Всех святых[51 - День Всех святых – христианский праздник, день памяти всех святых, отмечается первого ноября. Ему предшествует Хеллоуин, или Вечер Всех святых.] все радовались и ликовали. Правда, накануне старейшины качали головами из-за всеобщего веселья, а суровый Чейсхоуп не скупился на порицания. В Вечер всех святых Дэвид совершил прогулку по озаренному луной холму и полюбовался огнями в домах, прислушиваясь к смеху и скрипичным напевам. В его душе не было негодования по поводу древних традиций. Да и чейсхоупский арендатор сменил гнев на милость: кажется, это его широкие плечи и рыжую шевелюру Дэвид видел в огороде у Нэнс Келло среди кочанов. И сам он, бывая в гостях в Ньюбиггине, не чурался праздника, но сейчас его не покидало ощущение, что здесь, в Вудили, сквозь веселье проступало нечто натужное и неискреннее. Каждое горящее окно таило какой-то секрет, парни с девушками не миловались на тропинках. Более того,

несколько дней спустя он не мог не заметить, что люди утомлены: лица их побледнели, они украдкой переглядывались, словно за внешним ликованием скрывалось иное празднество, истощившее их души и тела.

После сбора урожая пришла пора сгонять тощий скот с холмов в стойла, и вскоре как поля, так и пастбища обернулись болотистыми пустошами. Дэвид, знакомый с сельским хозяйством исключительно по «Георгикам»[52 - «Георгики» – дидактическая поэма Вергилия в четырех книгах, в которой речь идет о земледелии, плодоводстве, виноградарстве, скотоводстве и пчеловодстве.], умел наблюдать и делать выводы, руководствуясь здравым смыслом, поэтому его не могли не озадачить местные обычаи. Земли в лучшем случае были плохо осушены, скот вытаптывал их, оставляя тысячи ямок, при первом же дожде превращавшихся в лужи, отчего плодородные почвы подкислялись. Но когда он заговорил об этом с майрхоупским арендатором, получил презрительный ответ, что так «деется искони», а те гордецы, что гонятся за новомодными придумками, – он слышал, что есть такие на западе, – не снимают и дюжины бушелей с акра, тогда как он получает две: «А земля-то в Майрхоупе кисловата, сэр, не сравнить с той, что у Клайда».

К ноябрьскому снегопаду вся живность была согнана. Скот собрали во дворы под соломенные крыши, и вскоре он стоял в разливах жидкой грязи. Дойные коровы зимовали в хлевах, тягловые быки и лошади – в крытых вереском сараях и конюшнях, а овцы – в загонах без стен. Наступило зимнее затишье, когда главной заботой крестьян становится прокорм хозяйства той малостью, что заготовлена с лета и осени. Сено – грубые и непитательные болотные травы – шло овцам; лошадей и быков кормили соломой и отваренной мякиной, но буренкам перепали кочерыжки и объедки с семейного стола. Зима считалась временем голодным как для живности, так и для человека, и все питались не лучше, чем жители осажденного города. Но если пищу можно было назвать скудной, то недостатка топлива в Вудили не знали. В тот год было много торфа, созревшего и хорошо просушенного, а потому легкого для переноски. У каждого дома появилась большая торфяная поленница, а после сбора урожая нашлось время сходить в лес за валежником, и у всех дверей стояли дровяницы для розжига.

Ясными октябрьскими днями Меланудригилл перестал страшить Дэвида. У пастора не было нужды отправляться туда ночью, однако не раз приходилось проезжать там днем по приходским делам в Феннан и Рудскую долину, а однажды он возвращался по лесу из Аллера в свете пламенеющего заката.

Золотился увядающий папоротник, желтели березки, красновато-коричневые кусты и алые гроздья рябины делали мрачную пушу почти уютной. Прогуливаясь по холмам, священник смотрел на редующий лес внизу, теперь похожий не на непроницаемое покрывало для костяка земли, но на ее славное одеяльце. Вместе с летом из Меланудригилла ушла пугающая мощь, будто улегся отбушевавший прилив. На полянках скакали олени и выглядели такими невинными... Тут Дэвид заметил прелюбопытную вещь: ни один крестьянин, пришедший за хворостом, не углублялся в чащу, собирая валежник только на опушках. Они рубили березняк и лещину на Оленьем холме и в Рудской долине, но не притрагивались к деревьям Черного леса.

За неделю до Поля[53 - Йоль - средневековый праздник зимнего солнцеворота у германских народов. Традиционно языческий праздник проводился и в христианские времена, совмещаясь с Рождеством.] случился большой снегопад. Сначала все холмы окутало морозной дымкой. «Хмарь к снегам застит», - решили в приходе, вновь проверили запасы топлива и с жалостью взглянули на дрожащую живность. Три дня и три ночи стояли туманы, от холода сводило дыхание, старики не могли согреться в спальнях шкафах, а речка Вудили заледенела даже на порогах. Были замечены дурные знаки: олени из Меланудригилла приблизились к самой кирке, а майрхоупский пастух, вышедший на рассвете к овцам, увидел среди них полуживых от холода зайцев-беляков. На четвертый день начался снегопад, крупные хлопья летели на землю трое суток, завалив дороги и поля. Затем поднялся ветер и шесть долгих часов неистовствовала метель. День стал темнее ночи, и мало кто осмеливался высовывать нос из дома. Дэвид как раз отправился навестить жену Амоса Ритчи, страдавшую от избытка крови, и, потратив два часа на четверть мили и побродив по выгребным ямам, решил отложить возвращение до вечера в надежде, что ветер поутихнет, в то время как дома Изобел сходила с ума от тревоги за него. Буран смел весь снег с пригорков, зато в ложбинах его навалило в два человеческих роста. Овцам в загонах, зачастую превращавшихся в огромный сугроб, пришлось нелегко: понять, что они там, можно было лишь по дымящемуся желтоватому снегу. В Чейсхоупе полегла пара десятков голов, в Майрхоупе - с десятков, а вот в Нижнем Феннани, где снег лежал особенно глубоко, погибло почти всё стадо. Дэвиду подумалось, что крестьяне сами испытывают судьбу. Если бы овцы остались на пастбищах на вершине холма, они бы пробились туда, где нет завалов, но, запертые в загонах, они оказались в ловушке. К тому же на открытых зимних вершинах можно было найти пропитание, тогда как в долине их кормили одним кислым сеном. И вновь, как только Дэвид заговорил об этом с прихожанами, его сочли полоумным. Не выжить овце в холмах, всё делается, как «завещано пращурами».

Снег пролежал всю первую неделю января, затем пришла оттепель, по дорогам заструились ледяные потоки, а Дэвид слег на два дня от переутомления. Пока с неба валил снег, он был на ногах, так как в Вудили оказалось множество больных и стариков, за которыми следовало присматривать. Если в усадьбах все привыкли жить самостоятельно, то в разбросанных по деревне домах царила неразбериха: когда беда обрушивается на твою семью, сложно думать о соседях. У старейшины Питера Пеннекука, восхваляемого мистером Мёрхедом за молитвенное рвение, пропал баран и провалилась крыша коровника, отчего он превратился в фаталиста, уверовавшего, что это Господь насылает испытания и грешно ему противиться, и начал целыми днями мрачно просиживать у камина. Дэвида так и подмывало надрать ему уши. От кузнеца Амоса Ритчи было больше пользы. Этот лохматый тридцатипятилетний мужчина с черной бородой славился как мастак играть на скрипке и класть камень; его благочестие вызывало бы вопросы, если бы он не участвовал в Епископской войне. Его жена в эту пору лежала при смерти, однако он сам вызвался помогать пастору и мужественно брался за любое милосердное дело. По утрам надо было посещать немощных старух, разводить для них огонь и растапливать снег, добывая воду, нужно было приносить еду беднякам, у которых успели закончиться все припасы; к тому же буря разрушила много построек. Изобел работала на кухне не покладая рук, и в ее печи не затухал огонь. Дэвид думал, что зима будет для него передышкой и он наконец сядет за книги, но вместо этого пастор проводил на ногах по четырнадцать часов в сутки, кожа на руках и лице потрескалась, как у пахаря, а вечерами он засыпал прямо за столом, пока Изобел несла ужин.

Буря раскрыл истинное предназначение Дэвида, сблизив с людьми не через высокие таинства, наподобие смерти, а благодаря ежедневной борьбе за жизнь. До этого он просто посещал дома с пастырскими поучениями, но то были формальные визиты, хотя все ему улыбались, но сейчас, в порожденной милосердием близости, он видел их без прикрас.

Новый священник был юн и горяч и относился к своим обязанностям как к приключению. Он тщательно продумывал воскресные проповеди. По утрам читал прихожанам из Книги пророка Амоса, бывшего пастухом и посему казавшегося Дэвиду наиболее подходящим для сельской местности. Дважды в неделю вел беседы о четырех ипостасях человека: его изначальной невинности, жизни после грехопадения, возрастанию в благодати и бессмертной душе. Той зимой Дэвид не продвинулся дальше невинности и для ее обсуждения не придумал ничего лучшего, чем толкование отрывков из Писания, полагая, что эти картины пробудят умы слушателей. Конечно, открытые мирские разговоры

он отринул сразу, но ухитрился вплести в свои слова многое из того, чего нет в богословии, тщательно избегая критики Церкви, ибо знал, что Приходской совет такого не одобрит. Его старейшины славились истовой верой, и все чуждые им, но красиво звучащие фразы принимали за хитросплетения теологии.

В десять утра каждое воскресенье Робб-звонарь бил в колокол в первый раз, на второй паства входила в кирку, а там Питер Пеннекук, исполнявший обязанности регента, заводил псалом, зачитывая каждую его строку, прежде чем хор пропевал ее. При третьем ударе колокола Дэвид вставал за кафедру и начинал с молитвы. Служба заканчивалась в час, и те, что прибыли издалека, отправлялись в «Счастливую запруду». В два приходило время для второй службы, завершавшейся в четыре с наступлением сумерек. В кирке с ее земляным полом было холодно, как в склепе, а тусклый свет являлся испытанием даже для молодых глаз Дэвида. Озябшие люди, дрожа, сидели на скамеечках с застывшими лицами и напряженно внимали, и эта торжественность была для них частью воскресного ритуала. Священнику нередко казалось, что он обращается к ряженым могильным камням, что к сердцам паствы ему не пробиться, и лишь изредка, когда свет Писания трогал до глубины души его самого и он принимался говорить просто и искренне, он чувствовал, что слушатели раскрываются навстречу ему.

Старания пастора не пропали втуне. Питер Пеннекук одобрил его как «глубокого» проповедника, правильно и здраво понимающего догматы. Другие, вспоминая иногда проскальзывающую страсть в его голосе, отзывались о нем как о «пылком» священнике и говорили о его «рвении». Но были и такие, кому хотелось слушать о чем-то более грозном, содержательном и внушающем трепет, например об адских муках, поджидающих всех, кто не был избран. Да, в нем живет «дуновение», но оно подобно нежному восточному бризу, а не суровому ветру Эвроклидону, заставляющему грешников каяться. Для них священник был человеком Божиим, но слишком молодым; конечно, с годами придет солидность и обретет он силу громов Синайских.

Дэвид полагал воскресные богослужения самой легкой из всех своих обязанностей. Он прибыл в Вудили, полный замыслов великолепных книг, которые он напишет в тиши кабинета на втором этаже. Главным должен был стать труд о пророке Исае, и слова Семпилла о нем наверняка будут цитировать с не меньшим почтением, чем Лютера о Галатах или Кальвина о Римлянах[54 - Имеются в виду «Лекции по посланиям к Галатам» Мартина Лютера и «Толкование на Послание апостола Павла к Римлянам и Галатам»

Жана Кальвина.]. Осенними вечерами Дэвиду удалось набросать план своего шедевра, а до начала снегопада он приступил к пролегоменам. Но снежная буря пробила брешь в его занятиях. Он понял, что сейчас время для более насущных дел, ибо он прежде всего пастор и лишь потом ученый. Посещения и поучения сделались основной его заботой, и это усердие помогло завоевать добрую славу. Ненастными ночами, когда пастухи и то предпочитали оставаться у очага, Дэвид отправлялся в хижины в пустошах, и не раз Изобел встречала его, промокшего или заледеневшего, перед самым рассветом, отогревала у печи и отпаивала горячим элем с пресными лепешками, пока он рассказывал о своих приключениях. Выносливый и жизнерадостный, он по-настоящему любил жизнь, требующую такой же самоотдачи, как у солдата в походе. Его лицо разрумянилось от свежего воздуха, глаза повеселели, и все в приходе радовались его мальчишескому голосу и смеху. «Беззлобливый паренек, – говорили меж собой прихожанки, – но для Божьего служителя чересчур простоват».

Еще пастор взял на себя заботу о детях. В Вудили не было ни школы, ни учителя. В округе жило не менее трехсот человек, но мало кто из них мог что-либо прочесть или написать собственное имя. В Приходском совете оказалось лишь трое грамотных. Поэтому Дэвид стал давать уроки по утрам трижды в неделю на собственной кухне. Из Эдинбурга ему прислали буквари, и с помощью этих книг и большой Библии он учил класс чтению и письму. Это стало приятнейшим времяпровождением как для учителя, так и для учеников, и с каждой неделей к нему приходило всё больше детей, и вскоре вся ребятня деревни и Майрхоупской и Чейсхоупской усадеб собиралась в доме священника. Когда они, посиневшие от холода и частенько с пустыми животами, садились за стол, Изобел потчевала каждого миской похлебки, а пока шел урок, успевала залатать их прохудившуюся одежку. Бывало, что ребенок уходил из школы в обновке – именно так распорядилась перекроенным сюртуком и ушитыми старыми штанами священника ворчащая, но добродушная Изобел, переживающая за обтрепанных маленьких смертных.

Дэвид не довольствовался единичными случаями благотворительности. Они с Советом распоряжались деньгами на нужды бедноты, единственными общественными средствами для оплаты потребностей прихода. Вудили был богаче многих других мест, так как пятьдесят лет назад некая Гризельда Хокшоу пожертвовала тысячу шотландских фунтов для помощи нуждающимся. К тому же имелись штрафы, накладываемые Советом на провинившихся, и еженедельный сбор во время церковных служб, когда у входа в кирку ставили тарелку, в которую бросались медяки, грошики и прочие мелкие монетки,

завалявшиеся в карманах. Зимой подавать милостыню не было накладно: на дорогах почти не осталось нищих, а те, что прибредали из-за холмов, стояли на пороге смерти, и от прихода требовалось только предоставить гроб. Но Дэвид не мог решать самостоятельно, как распорядиться скудными наличными средствами, и это привело к первым трениям с Советом. У каждого старейшины оказались собственные любимчики среди бедняков, и хозяева Майрхоупа, Чейсхоупа и Нижнего Феннана спорили из-за каждого гроша. Священник, всё еще считавшийся новичком в этих краях, старался не вмешиваться, но порой, когда речь шла о вещах, хорошо ему известных, пользовался своим главенством. У подножия Чейсхоупского холма жила женщина, о которой ходили не слишком добрые слухи. Была у нее миловидная темноглазая дочь да имелся домишко, пусть очень грязный и запущенный, но еще крепкий. Дэвид сказал Эфраиму Кэрд, что не следует считать ее одинокой вдовой и выделять ей деньги, и впервые ощутил на себе всю тяжесть гнева Чейсхоупа. Бледное лицо побагровело, а зеленоватые глаза стали злыми, как у ошестинившегося пса.

- Преподобный Макмайл... - начал он, но Дэвид оборвал:

- Эти деньги для тех, у кого совсем ничего нет, к тому же средств и так мало. Я думаю, стыдно и медяк потратить без крайней нужды. Всякому имеющему да не дастся, пока я пастор в этом приходе.

Чейсхоуп промолчал, справившись с чувствами, но Александр Спрот, фермер из Майрхоупа, что-то прошептал соседу, и в воздухе повисло напряжение, снять которое помог смех мельника из Вудили. Этот человек из рода Спотсвудов считался самым богатым в приходе и самым нелюдимым, но веселый хохот опроверг сложившуюся репутацию.

- Правда на стороне мистера Семпилла, Чейсхоуп, - воскликнул он. - Эта твоя Джин, после того как муженек ее оставил, живет припеваючи. Нам бы позаботиться о тех, кто концы с концами свести не может.

- Пересилили вы меня, - сказал Кэрд и больше не проронил ни слова.

* * *

В те дни в Вудили редко получали новости. В хорошую погоду, еще до бурана, из Эдинбурга прибывали торговцы с лошадьми, к тому же путешествующие по дороге в Англию приносили вести из столицы. Ходебщик Джонни Дау продолжал коробейничать, но снег остановил и его, а в январе, когда небо прояснилось, он сломал ногу в Тарритских трясилах и на шесть недель пропал из виду. Но даже в лучшие свои дни Джонни мог поведать только о том, что происходит в усадьбах и в Аллерском приходе. В середине зимы надежды на почтовое сообщение не было, и Дэвид оказался в такой изоляции, словно жил где-нибудь на Гебридах. Он узнавал, что происходит в мире, лишь на собраниях Пресвитерского совета, и эти новости, к тому же услышанные из уст взволнованных собратьев во Христе, несли в себе ужасные предзнаменования.

Собрания Совета в Аллерском приходе поначалу казались Дэвиду приятной переменой в его спокойной жизни. В ноябре встреча длилась два дня, и он, как младший член конгрегации, открыл ее и охотно принял участие в толковании отрывка из Писания. Но в целом было скучно, так как по большей части всё свелось к обсуждению упрямства владельцев церковных земель, местным скандалам и ремонту в кирках. Заседание закончилось, братья направились в таверну «Скрещенные ключи» и угостились гораздо лучше, чем привыкли у себя дома. Вот тогда мистер Мёрхед трагическим шепотом сообщил новости, полученные с гонцом из Эдинбурга. Нечестие вновь подняло главу, на сей раз в землях Ковенанта. Монтроз-отступник пробился на север в самый неожиданный момент и сейчас ведет орду ирландских дикарей на погибель набожных шотландцев[55 - В 1637 году граф Монтроз (с 1644 года маркиз Монтроз) одним из первых принял Национальный ковенант и был одним из тех, кто привел ковенантеров к победе в Епископских войнах, но впоследствии оказался недоволен радикализацией движения и умалением прерогатив короля. Летом 1641 года он вступил в противостояние с графом Аргайлом и был арестован за обращение к Карлу Первому. Карл добился освобождения Монтроза из тюрьмы. Монтроз отказался от принятия «Торжественной лиги» 1643 года. Став основной фигурой лагеря роялистов, маркиз был назначен наместником короля в Шотландии. В 1644 году во главе шотландских горцев и ирландских войск Аласдера Макдональда предпринял решительное наступление на ковенантеров.]. Уже прогремели сражения, то ли под Пертом, то ли у Абердина, и победа оказалась не на стороне боголюбивых. Страшные вещи сказывались про тех ирландцев, ведомых леворуким Макдональдом[56 - Аласдер Макдональд (ок. 1620–1647) – шотландско-ирландский полководец. Сын Коллы «Левши». В честь отца получил прозвище «Макколла», но иногда его, как и отца, называли Левшой.], свирепых, как амалекитяне, слепых ревнителей Рима, сжигающих и уничтожающих все и вся на своем пути и не щадящих женщин, стариков и

детей. Нашествию, несомненно, скоро дадут отпор: войско Ливена идет из Англии, – но в рядах ковенантеров нашлись предатели. После этого весь Пресвитерий отправился на молитву и в длительных обращениях к Всемогущему искал ответа, чей грех, Парламента или Ассамблеи[57 - Генеральная ассамблея – в Пресвитерианской церкви высший орган церковной администрации и судебной власти.], армии или народа, навлек на страну столь суровое наказание.

Дэвида ошеломили эти рассказы. Монтроз был для него лишь именем – именем великого аристократа, первым обратившегося к делу Христову и предавшего его. И этот Иуда не канул в небытие, но ввергал в несчастья Землю обетованную, усугубив свое бесчестие тем, что привел дикарей уничтожить родной праведный народ шотландский. Как и все в этих краях, Дэвид боялся ирландцев, чьи зверства стали притчей во языцех, и Рима, в воображении юного пастора воплощавшего дреманное око Антихриста, коему сам Бог вручил этот мир до поры, пока чаша мерзостей и греха не переполнится. Новости так потрясли священника, что в нем не осталось политической вялости, и в какой-то момент он почувствовал себя столь же пылким ковенантером, как сам мистер Мёрхед. А потом был снегопад, и голову Дэвида заполнили совсем иные волнения. Следующее собрание Пресвитерского совета состоялось только в феврале. Вести в этот раз звучали еще более грозно. Тем утром мистер Мёрхед получил письмо, где говорилось, что Монтроз разоряет земли светоча христианского, маркиза Аргайла[58 - Арчибальд Кэмпбелл (1607–1661) – 1-й маркиз Аргайл (с 1641), 8-й граф Аргайл (с 1638 года) – крупнейший государственный деятель Шотландии времен Английской революции и ковенантского движения, фактический глава правительства страны на протяжении большей части периода нахождения ковенантеров у власти в Шотландии.], а тот бежал на север и сейчас, после сокрушительного поражения, переживает у одного из высокогорных озер с остатками армии ковенантеров. Настала жестокая година, и народ должен покаяться пред ликом Господним. Парламент издал указ, что по всей стране следует блюсти пост, и решено, что в каждом приходе будет проведена особая церковная служба, во время которой истый защитник Христа призовет к исповеди и раскаянию. Одним из таких избранных сосудов веры стал мистер Праудфут из Боулда, он должен был читать проповедь в постный день в Вудили в первую неделю марта.

Но нынешнее состояние Дэвида сильно отличалось от ноябрьского. Грешное восхищение этим Монтрозом – кажется, еще молодым человеком, – с горсткой мятежных горцев держащим в кулаке весь север, смешивалось с ужасом. Возможно, он и был отважным бойцом, но несомненно служил Велиалу. Однако больше всего Дэвида волновали дела его собственного прихода, а не далекие и

туманные беды Аргайла.

Снег растаял, и в январе было тепло и солнечно. Горные речки побурели и вздыбились, холмы превратились в сплошную топь. На Сретение ударили морозы и длились весь февраль и первую половину марта. Близилась самая страшная и голодная пора. Скот во дворах и овцы в загонах исхудали донельзя, закрома опустели, а все в приходе, кроме нескольких фермеров, стали тощими и бледными. Бесновались болезни, и выдалась неделя, когда шестерых снесли на церковное кладбище... Было это не только время смертей, но и время рождений, и повитуха сбилась с ног.

До Дэвида начали доходить странные слухи. Половина младенцев появлялась на свет вне законного брака... и большинство детей были мертворожденными. Молодость глуха к подобным явлениям, однако переставшая пустеть скамья позора в кирке открыла пастору глаза. Сидя на ней, изможденные девушки искупали свой грех, но только раз там появился прелюбодей-мужчина... Дэвида поразили настроения старейшин, которые, вместо того чтобы вершить правосудие по закону Божию, стремились замять скандалы, словно эпидемия блуда могла подмочить их репутацию. Он выпрашивал – они отнекивались, он злился – они молчали. Кто эти мужчины, обесчестившие несчастных? Он повторял вопрос, глядя в их мрачные лица. Однажды в воскресенье он изменил привычный ход службы и со страстью, неведомой доселе, прочел проповедь о мерзости язычества. Его порыв оценили, и Эфраим Кэрд похвалил его, но это не принесло ожидаемых плодов от потрясенных грешников: никто не покаялся, стена упорного молчания осталась невредимой... Это грызло его днем и ночью. Предвестием чего служило такое множество мертворожденных детей? Он чувствовал, что живет среди нечестивых тайн.

Как-то вечером он заговорил об этом с Изобел, хотя и готов был сквозь землю провалиться, настолько непристойной была тема для женщины, пусть и пожилой. Но служанка оказалась не более разговорчивой, чем другие. Ее честный взгляд стал робким и скрытным.

– Вы б в то не лезли, сэр, – сказала она. – В общине Диявол за главного, неужто за полгода вы б смогли с ним совладать? Но днесь и он не пересилил вас, мистер Семпилл, так славно вы Слово Божие несете. – А затем она добавила то, что еще долго не давало Дэвиду спокойно засыпать по ночам: – По зиме извеку так, опосля того как народ в Лес на Белтейн[59 - Белтейн – кельтский праздник начала лета, традиционно отмечаемый 1 мая.] сходит.

Пришло время поста, и мистер Праудфут выступил с выдающейся проповедью. Темой он избрал неугасимое адское пламя, кое пожрет всякого, кто поднимет руку против Ковенанта и Церкви, и закончил службу кратким описанием ужасов вечной муки:

– И сложат их, как камни, в огненном жерле. Страшно то ложе! Нет там покрывал, лишь жар; нет друзей, лишь гонители; нет свободы, лишь путы; нет света, лишь тьма; и застыло там время, и тянется вечность; и пламя жжет, не угасая.

Заключение вышло особенно сильным.

– О други мои, – вскричал он, – я только вкратце описал вам муки Ада. Вообразите огромный амбар, до крыши полный зерном; вообразите, что каждую тысячу лет прилетает туда птаха малая и уносит одно зернышко. Придет время – и амбар опустеет, но муки адовы никогда не кончатся. Пройдут десять тысяч раз по десять миллионов лет, и не будет завершения страданиям проклятых.

В переполненной кирке повисла мертвая тишина. Вдруг завопила и забилась в истерике женщина, многие заплакали. После службы старейшины столпились вокруг мистера Праудфута, благодаря за такое уместное и вдохновенное поучение. Но Дэвид не проронил ни слова, душа его болела. Что значат эти громы пред грехом всей общины, когда одни нечестивцы закрывают глаза на возмутительные безобразия других? И на какое-то мгновение ему показалось, что еретик Монтроз, творящий зло огнем и мечом, менее отвратителен Господу, чем здешний Приходской совет.

* * *

Морозы ушли в середине марта, и две недели с крыш капало, хотя по-прежнему дули пронизывающие восточные ветра, в одну ночь сменившиеся южными, и вот тогда в горные долины принесло весну.

Изобел гнала священника из кабинета:

– Ну-ка в холмы, как настоящий мужчина, нечего сиднем сидеть. Зимушка выдалась тяжкая, сами-то бледней полотна сделались. Давайте-ка, пора просвежиться.

Дэвид прогулялся по пустошам и любовался округой с вершины Оленьего холма: в чистом апрельском воздухе четко прорисовывались контуры, но цвета до поры не радовали глаз. Лес Меланудригилл опять казался густым и темным, но его тени не успели обрести таинственность. Желтизна косогоров напоминала порыжевший от времени бархат, но берега ручьев и речек начали покрываться зеленью. Березы стояли словно в блеклой дымке, на ивах и лещинах набухли почки. В тени каменных оград виднелись остатки сугробов, а с поля в Ламмерло снег так и не сошел, но ветер был мягок, к тому же кроншнепы и ржанки криками прославляли весну. В Виндивэйз и за Риверсло жгли вереск, и спирали синего дыма возносились к бледным небесам.

Весна в холмах стала откровением для человека, приехавшего из тесных улочек Эдинбурга. Ему представилось, что сама жизнь бьет ключом из-под бурой земли и он лицезрит настоящее чудо. Молодая кровь, заледеневшая долгой зимой, забурлила, всё его существо оттаяло. Он со стыдом осознал, что и его охватило весеннее ликование. В дыме горящих верещатников он увидел дым курящихся языческих алтарей, на которых возлежат невинные жертвы с алтарей богоугодных.

Вечером в кабинете он вдруг понял, что не может сосредоточиться на собственных комментариях к Книге пророка Исайи. Мысли блуждали где-то далеко, его так и тянуло открыть Вергилия. Но, помня, что вечерние часы выделены для богословских занятий, он взял с полки Климента Александрийского и перечитал страницы, на которых этот Учитель Церкви становится особенно поэтичным, смешивая классическую древность с христианством: «Это – гора, любезная Богу, не дававшая сюжеты трагедиям, как Киферон, но предназначенная для действий истины; гора, где нет вина, гора, покрытая тенью священных лесов. А ликуют на ней не сестры пораженной громом Семелы, менады, в нечестивой мистерии хватающие куски мяса, но дочери Бога, милые овечки, провозглашающие священные действия Слова и созывающие непорочный хоровод»[60 - Климент Александрийский, «Увещевание к язычникам», XII. Перевод А. Братухина.].

Его проповеди изменились в те дни. Он больше не пытался выковать тонкие цепи догматов, а вернулся к традиционному богослужению, взывая к сердцам

прихожан. Все в Вудили, в свою очередь, удивились этому, немало обеспокоившись. Однажды в солнечный полдень он вещал о благодарении и вознесении хвалы Господу.

– Славьте Его, – возглашал он, – даже если у вас ничего нет, ибо это есть благодать и свет солнечный для агнцев.

– Слыхали когда подобное? – сказал Майрхоуп, остановившись в дверях кирки. – Какое дело Иегове до наших овец?

– Он страстный проповедник, – сказал Чейсхоуп, – однако с истинным «сыном громовым», Праудфуттом из Боулда, не сравнить.

Собеседник согласился, и хотя в словах звучало сожаление, они довольно переглянулись, словно радовались, что нет в Вудили Воанергеса[61 - ...нарекши им имена Воанергес, то есть сыны Громы (Мк. 3:17).].

Глава 5

Черный лес при свете дня

Двадцать второго апреля священник вышел прогуляться на Олений холм. Случилось это, после того как Изобел принесла новости, пробудившие забытые им страхи. Всю долгую мрачную зиму Вудили был отрезан от мира, и Дэвид жил, словно в клетке, не думая ни о чем, кроме своего прихода. Он редко вспоминал о Калидоне и его обитателях, как если бы замок стоял на другой планете. Но весна ослабила зимние оковы, и в деревню начали приходить вести о соседях.

– Джонни Дау заглядывал, – сообщила Изобел, когда Дэвид сел за трапезу. – Он по речке из Калидона вертался, рассказывает, чудные там перемены. Лэрд сызнава на войну подался... Неа, Джонни не ведает, куды он поскакал. Отбыл спозаранку, с собой Тэма Пёрвза прихватил, оба на добрых конях, больше про них ничего не слышать. Рассказывают, нонче заместо лэрда его свестья, госпожа Сэнтсёрф из Эмбро[62 - Эмбро – просторечное название Эдинбурга.], она уже полмесяца как там – за Калидоном да за девчушкой приглядывает, там же

девушка обитает, может, слыхивали, сэр, даром что никто в Вудили ее оком не зрил, будто горемыка в Карнватском болоте сгинула. Джонни рассказывает, что свестья – старая карга, прямая, как палка, и с поганым языком. Прогнала Джонни прям с порога, покуда он с прислужницами любезничал.

Поднимаясь на холм, Дэвид думал о Калидоне. Николас Хокшоухоть и хромой, а отправился на войну. На какую войну? Памятуя разговор той темной ночью, молодой человек боялся, что лэрд воюет не за тех, кого одобряет Церковь. Неужели он уехал помогать Монтрозу в его нечестивых деяниях? А солдаты со стремянным? Вернулись ли они к Ливену под знамена Ковенанта или подвергают опасности свои души, присоединившись к мятежникам-роялистам? Последнее казалось наиболее правдоподобным, и, к собственному удивлению, Дэвид не нашел в себе желания их упрекать. Весна ослабила не только зимние оковы.

День был солнечный и теплый, словно апрель одолжил его у июня. Приблудный западный ветерок трепал проклюнувшиеся листочки. Дэвид задержался на вершине холма, любясь горами, освещенными весенними лучами так, что можно было рассмотреть мельчайшие подробности, но по-прежнему очень далекими. В ущельях величественных Хёрстейнских утесов лежал снег, и пастор представил, что на самом деле гряда сделана из мрамора, просвечивающего сквозь бурую скорлупу. Зеленая Груда оправдала название: над каменными насыпями с верещатником по краям поднимался купол изумрудной зелени. Пойма Ашера, залитая солнцем, казалась квинтэссенцией света, и даже Рудское ущелье, подобно мечу пронзившее гору, не выглядело мрачным. Но ничего золотого в пейзаже не было: отмели, озаренные солнцем, искрились серебром, излучина мерцала бледно-зеленым, небеса устремлялись в лишенную цвета бесконечность. И всё же весна вступила в свои права. Дэвид чувствовал ее телом и душой.

Пастух Прентис из Риверсло выгонял стадо. Это был угрюмый парень, в детстве потерявший ногу. Несмотря на увечье, он довольно резво передвигался на одном костыле, а его голоса и языка боялся весь приход. Он славился как боголюбец и истовый молещик, и селяне величали его Хромым Вещуном и Колченогим Пророком. Но сегодня даже Прентис оттаял под весенним солнышком. Он дружески приветствовал пастора.

– И голос горлицы слышать в краях наших[63 - Искаженная цитата из Песни Песней (2:12): «...и голос горлицы слышен в стране нашей».], – крикнул он и поковылял по выжженной в прошлом году траве, поднимая клубы серой пыли.

Прентис сам выглядел частью пасторальной благодати.

Дэвид пребывал в необычайно незлобивом настроении. Он успел начисто забыть о зимних страданиях и открылся огромному гостеприимному миру. Эпикурейски наслаждаясь каждым шагом, онпил благоуханный воздух холмов, восхищаясь бурной игривостью синих горных речушек, свежей зеленью торфяников, бутонами на боярышнике и оляпками, весело барахтающимися у перекатов. На пустошах голосили кроншнепы с чибисами, а когда Дэвид спускался в Рудскую долину, из-под ног выпорхнул жаворонок – первый в этом году – и ринулся ввысь, вознося хвалу весне.

Пастор так засмотрелся на холмы и долины, что позабыл о Меланудригилле. И вдруг он увидел его – темный и огромный, единственное мутное пятно посреди прозрачного пейзажа. Но Лес не подавлял своей мрачностью, ибо мраку не место там, где всё полнится простором, и светом, и песней. Дэвиду захотелось прямо сейчас забрести в чащу, пройти через Риверсло, а затем вниз по берегу Вудили. Но взгляд на Рудское густолесье остановил его. В такой день тянет не к соснам, а к березняку и орешнику, с чистых полянок которых всегда видны небо и холмы. Поэтому пастор свернул направо к редкому подлеску, намереваясь спуститься в долину у начала тропы, ведущей в Гриншил.

Подлесок оказался плотнее, чем ему представлялось. Там был не просто кустарник, а настоящая роща с полянами и овражками, миниатюрными ложбинами и ручьями. На зеленеющих ветвях весело щебетали птахи, деловито копошились вяхири, заросли кишели дружелюбным зверьем. Он заметил желтовато-коричневую спину оленя, убегающего прочь, мелькнула рыжая лисица, ну а кроликов было просто не счесть. Первоцветы усыпали всё вокруг: их бледные звезды разукрасили склоны оврагов и чисти, обступили деревья и полезли вверх по растрескавшейся серой скале. Они росли так густо, что блеклая желтизна отливала золотом, и это был единственный яркий цвет, увиденный Дэвидом за целый день. Пастор был молод и впечатлителен: не сдержавшись, он набрал целую охапку первоцвета, чтобы украсить свой дом, а малые букетики красовались у него на лацкане и на берете. Он собирался снять цветы с кафтана и головного убора, когда будет подходить к большаку, иначе прихожане примут его за полоумного. Но здесь, под покровом леса, он мог отбросить условности и вести себя как ребенок.

В конце концов он позабыл, куда направлялся. Оказавшись посреди елани, уводящей налево от Гриншила вниз, к очень живописной бурливой речке, он

поддался порыву и свернул туда. Память подсказала ему, что у этой реки стоит Рудфутская мельница. Он хорошо знал ту местность и частенько ловил форель в нижних затонах, но никогда не ходил вверх по течению. В Дэвиде проснулся страстный исследователь... Лощина превратилась в узкое ущелье с пенным водопадом. Дэвид пробрался вниз, скользя по камням, и промочил ноги до колен. Он радовался, как сбежавший с уроков мальчишка, и, обнаружив в корнях гнездо оляпки, посчитал его трофеем. Чуть дальше рельеф выровнялся, и пастор вышел на полянку, заросшую первоцветом и ветреницей, затем, миновав еще один водопад, пошлепал по обросшему лещиной торфянику с лужами, блестящими между кочек... Взглянув вверх, он увидел, что на противоположной стороне выстроились черные сосны.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Джордж Уишарт (1625–1671) – шотландский церковный деятель, капеллан маркиза Монтроза. Джеймс Грэм, 1-й маркиз Монтроз (1612–1650) – выдающийся шотландский полководец, командовавший войсками короля Карла I в период гражданской войны в Шотландии 1644–1646 годов. – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Мистер Пиквик – чудаковатый, но милый персонаж романа «Посмертные записки Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса.

3

Майкл Скотт (Майкл Шотландец, 1175–1232) – ученый-математик, признанный колдуном. В легендах о нем говорится, что он за одну ночь с помощью дьявола замостил дорогу, а также что расколол Эйлдонский холм на три части.

4

Часовой шкаф – напольные маятниковые часы в деревянном корпусе.

5

Талар (лат. tunica talaris – платье длиной до пят) – черное одеяние судей и протестантских священников. Беффхен – белый нагрудник в виде двух ниспадающих лент.

6

Ординарий – постоянные, неизменяемые тексты литургических служб.

7

Исх. 15:27.

8

Ограждение столов – старинная шотландская церковная церемония, во время которой прихожане усаживались за столами для причастия, тогда как провинившиеся члены общины за столы не допускались, и тем самым причащающиеся «ограждались» от грешников.

9

В целом (лат.).

10

Собор Святого Эгидия (Сент-Джайлс) – собор в Эдинбурге, главный пресвитерианский храм Шотландии. В 1642 в Шотландии решался вопрос о том, какую сторону принять в разразившейся в Англии гражданской войне между сторонниками короля и парламента.

11

Сэмюэл Рутерфорд (1600–1661) – шотландский теолог и проповедник.

12

Епископские войны – серия вооруженных конфликтов в 1639–1640 годах между Шотландией, восставшей против короля Карла I, и Англией.

13

Национальный ковенант – манифест шотландского национального движения в защиту пресвитерианства, изданный в 1638 г. и ставший основой для сплочения шотландцев в их борьбе против абсолютистской политики короля Карла I. «Торжественная лига и Ковенант» 1643 г. – договор о военно-политическом союзе Шотландии и английского парламента, религиозный манифест, направленный на утверждение пресвитерианства в обоих британских государствах.

14

Пресвитерий – орган регионального управления в пресвитерианской церкви.

15

Бой при Марстон-Муре (2 июля 1644 года) – сражение за Йорк, разгоревшееся в ходе английской гражданской войны. В результате победы при Марстон-Муре весь север Англии оказался во власти парламента.

16

Дэвид Лесли, барон Ньюарк (ок. 1600–1682) – выдающийся шотландский полководец, ковенантер, активный участник гражданской войны в Шотландии 1644–1646 годов.

17

Ш. 2:2

18

Вестминстерская ассамблея богословов – собрание английских теологов и церковнослужителей, созданное в 1643 г. Долгим парламентом для реформирования Английской церкви. Догматы и обряды, разработанные Вестминстерской ассамблеей, легли в основу пресвитерианской религии.

19

Иосия – сын и преемник Аммона, шестнадцатый царь Иудейский. При Иосии была осуществлена религиозная реформа, состоявшая в централизации богослужения в Иерусалиме и в ликвидации проникших в Иудею под ассирийским влиянием языческих и астральных культов.

20

«Деяния святого Клементия», «О посланиях святого Павла» (лат.).

21

Переделанная фраза из Книги пророка Исайи: «Вот, рука Господа не сократилась на то, чтобы спасти, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать» (Ис. 59:1).

22

Джероламо (Иероним) Кардано (1501–1576) – итальянский математик, инженер, философ, медик и астролог. В его честь названы формулы решения кубического уравнения, карданов подвес и карданный вал.

23

Джеймс Дуглас, 4-й граф Мортон (1525–1581) – один из лидеров протестантов и регент Шотландии в 1572–1581 гг. в период несовершеннолетия короля Якова VI.

24

Томас Лермонт из Эркельдуна (ок. 1220 – ок. 1290), также известный как Честный Томас или Томас-Рифмач – шотландский бард, персонаж кельтского фольклора.

25

Идет в древний лес (лат.). – Вергилий, «Энеида», VI.

26

Боглы, или эттины, – гиганты из британского и шотландского фольклора. Но здесь имеется в виду весь волшебный народ, эльфы и феи.

27

Фасга, гора Невб или Небо, гора Моисея — гора на западе Иордании. Согласно Второзаконию, с этой горы Господь показал Моисею всю Землю обетованную.

28

Спальный шкаф – разновидность кровати, распространенная в Западной Европе в период Средневековья.

29

Евр. 1:10-12.

30

Милый мой Сирмион, ликуй (лат.) – строчка из стихотворения «Всех полуостровов и островов в мире...» Гая Валерия Катулла. Перевод С. Шервинского.

31

Александр Лесли, 1-й граф Ливен (1580–1661) – выдающийся шотландский полководец, ковенантер, фельдмаршал Швеции (1636), активный участник гражданских войн в Англии 1642–1646 годов.

32

Ангус – историческая область на востоке Шотландии.

33

Шли вслепую они под сенью ночи безлюдной (лат.). – Вергилий, «Энеида», VI. Перевод С. Ошерова.

34

В царстве бесплотных теней, в пустынной обители Дита, так по лесам при луне, при неверном свете зловещем. – Там же.

35

«Киропедия» – произведение древнегреческого писателя и историка афинского происхождения Ксенофонта; описание жизни и правления персидского царя

Кира. Филемон Холланд (1552–1637) – английский педагог, врач и переводчик.

36

Здесь и далее речь идет о событиях Тридцатилетней войны (1618–1648).

37

Джон Мелдрум (?—1645) – англо-шотландский военный деятель.

38

Густав II Адольф (1594–1632) – король Швеции, часто упоминается как «Снежный король» и «Лев Севера».

39

Битва при Брейтенфельде (1631) – один из эпизодов Тридцатилетней войны, в ходе которого шведы нанесли мощное поражение Католической лиге под командованием Тилли. Первая крупная победа протестантов в столкновениях с католиками.

40

Бернхард Саксен-Веймарский (1604–1639) – протестантский полководец.

41

Битва при Лютцене (1632) – одна из крупнейших битв Тридцатилетней войны между шведскими войсками под командованием Густава II Адольфа и габсбургскими подразделениями, в ходе которой погиб шведский король. Битва при Нёрдлингене (1634) – одно из ключевых сражений третьего периода Тридцатилетней войны, приведших к окончательной утрате Швецией позиций гегемона в Германии, новому усилению позиций Габсбургов и вступлению в войну Франции.

42

Герман Врангель (1587–1643) – шведский фельдмаршал.

43

Леннарт Торстенссон (1603–1651) – шведский полководец.

44

Альбрехт Венцель Эусебиус фон Валленштейн (Вальдштейн) (1583–1634) – имперский генералиссимус и адмирал флота, выдающийся полководец Тридцатилетней войны. Убит заговорщиками в замке Эгер (сейчас Хеб в Чехии). Майор Уолтер Лесли участвовал в убийстве.

45

Фукидид (ок. 460 – ок. 400 до и. э.) – крупнейший древнегреческий историк, автор «Истории Пелопоннесской войны».

46

Что б ни творили цари-сумасброды, страдают ахейцы (лат.). Гораций, «Послания», I, 2, 14. Перевод Н. Гинцбурга.

47

Ис. 5:7.

48

Роберт Монро (1601–1680) – шотландский генерал, участник Тридцатилетней войны. После поражения при Нёрдлингене в 1634 году вернулся в Шотландию.

49

Гомер, «Илиада», III, 156–158. Перевод Н. Гнедича.

50

Лэрд – представитель нетитулованного дворянства в Шотландии. Лэрды образовывали нижний слой шотландского дворянства и, в отличие от титулованных лордов, участвовали в парламенте Шотландии не непосредственно, а через своих представителей.

51

День Всех святых – христианский праздник, день памяти всех святых, отмечается первого ноября. Ему предшествует Хеллоуин, или Вечер Всех святых.

52

«Георгики» – дидактическая поэма Вергилия в четырех книгах, в которой речь идет о земледелии, плодоводстве, виноградарстве, скотоводстве и пчеловодстве.

53

Йоль – средневековый праздник зимнего солнцеворота у германских народов. Традиционно языческий праздник проводился и в христианские времена, совмещаясь с Рождеством.

54

Имеются в виду «Лекции по посланиям к Галатам» Мартина Лютера и «Толкование на Послание апостола Павла к Римлянам и Галатам» Жана Кальвина.

55

В 1637 году граф Монтроз (с 1644 года маркиз Монтроз) одним из первых принял Национальный ковенант и был одним из тех, кто привел ковенантеров к победе в Епископских войнах, но впоследствии оказался недоволен радикализацией движения и умалением прерогатив короля. Летом 1641 года он вступил в противостояние с графом Аргайлом и был арестован за обращение к Карлу Первому. Карл добился освобождения Монтроза из тюрьмы. Монтроз отказался от принятия «Торжественной лиги» 1643 года. Став основной фигурой лагеря роялистов, маркиз был назначен наместником короля в Шотландии. В 1644 году во главе шотландских горцев и ирландских войск Аласдера Макдональда предпринял решительное наступление на ковенантеров.

56

Аласдер Макдональд (ок. 1620–1647) – шотландско-ирландский полководец. Сын Коллы «Левши». В честь отца получил прозвище «Макколла», но иногда его, как и отца, называли Левшой.

57

Генеральная ассамблея – в Пресвитерианской церкви высший орган церковной администрации и судебной власти.

58

Арчибальд Кэмпбелл (1607–1661) – 1-й маркиз Аргайл (с 1641), 8-й граф Аргайл (с 1638 года) – крупнейший государственный деятель Шотландии времен Английской революции и ковенантского движения, фактический глава правительства страны на протяжении большей части периода нахождения ковенантеров у власти в Шотландии.

59

Белтейн – кельтский праздник начала лета, традиционно отмечаемый 1 мая.

60

Климент Александрийский, «Увещевание к язычникам», XII. Перевод А. Братухина.

61

...нарекши им имена Воанергес, то есть сыны Громовы (Мк. 3:17).

62

Эмбро – просторечное название Эдинбурга.

Искаженная цитата из Песни Песней (2:12): «...и голос горлицы слышен в стране нашей».

Купить: https://tellnovel.com/ru/baken_dzhon/zapretnyy-les

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)